

ЛЮБОВЬ

на
производстве

Басова Анастасия

18+

Басова Анастасия

Любовь на производстве

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68141059

SelfPub; 2022

Аннотация

Привлекательная, но уже не первой молодости девушка Люба, после болезненного расставания с парнем устраивается на не типичную для себя работу на хлебозавод. Вопреки своим ожиданиям знакомится там с харизматичным двадцатитрехлетним юношей-донжуаном Антоном. Молодой человек быстро располагает к себе героиню, и она влюбляется в него. В процессе работы молодые люди периодически попадают в забавные ситуации, благодаря которым они все больше сближаются.

Однако парень флиртует и с другими работницами, к одной из которых – Наде – героиня начинает сильно ревновать. Обе девушки старше молодого человека, и обе влюблены в него, но никто из них уступать не собирается. Остановит ли герой свой выбор на одной из девушек или появится кто-то еще?..

Содержание

Глава 1. Первый день на заводе	6
Глава 2. Привыкание	13
Глава 3. Новый бригадир	17
Глава 4. Вер Пална	21
Глава 5. Антон	24
Глава 6. Анна Сергеевна	28
Глава 7. Опоздание	31
Глава 8. День рождения	36
Глава 9. Столовка	43
Глава 10. Развитие	48
Глава 11. Художники	51
Глава 12. Посиделки в столовой продолжаются	54
Глава 13. «Кондитерка»	58
Глава 14. Поклонники	61
Глава 15. «Акула в аквариуме»	70
Глава 16. Маленькие секреты рабочей одежды (или нижнее белье с любовным посланием)	73
Глава 17. Подруги: Надя и Ира	82
Глава 18. Анжела	86
Глава 19. Корпоратив	88
Глава 20. Недоразумение	99
Глава 21. «На сборке»	101
Глава 22. «На раскатке»	107

Глава 23. «На столах»	113
Глава 24. «На сухарях»	116
Глава 25. Снова посиделки в столовой	120
Глава 26. Начало конца: первое предупреждение	128
Глава 27. Утро перед «закатом»	135
Глава 28. Увольнение	139
Глава 29. Приступы ревности продолжаются	144
Глава 30. Новый этап: Юрка и Сергей	147
Глава 31. Как мы сходили на квест	152
Глава 32. Христиновка	159
Глава 33. Что с нами стало	165
Глава 34. Заключительная	170
От автора	175

Басова Анастасия

Любовь на производстве

Все события и герои вымышлены. Любые совпадения с реальными личностями случайны.

Ты стал моей несбывшейся мечтой...

Глава 1. Первый день на заводе

Снова осень. Прошло уже два года со времени моего расставания с парнем и два месяца – с момента увольнения. Да уж, навалилось все сразу. Хотя как сказать навалилось? Это знаете, как бывает? Когда тебе плохо, ты специально делаешь что-то такое, чтобы стало еще хуже. Кто-то слушает грустную музыку, кто-то слезливые фильмы смотрит. А я, вот, решила с работы уволиться. Не то, чтобы любимой, но такой привычной и удобной. Трудилась там восемь лет. Слаженный коллектив, неплохие показатели по работе, оплата труда, опять-таки, устраивала. К тому же, год назад меня перевели в другой отдел с повышением оклада. Казалось бы, живи и радуйся, но нет. Где-то вычитала, что есть даже термин такой, определяющий подобное деструктивное поведение, что-то типа самосаботажа – когда ты сам себе запрещаешь успех. Я тоже придумала такое самонаказание.

И вот стою возле проходной на новую работу – иду на стажировку. Ерунда, наверно, какая-то – работа на хлебном производстве... Да к тому же не с бумагами и отчетами возиться, как я привыкла, а непосредственно что-то лепить своими руками. Хотя есть в этом какая-то романтика: когда каждый день видишь результаты собственного труда. Правда сегодня я уже наработалась в другом месте – прохожу стажировку официантом в ресторане. Но, раз пришла сюда, на-

до попробовать – не понравится – значит, выберу должность официанта.

На проходной сидит усатый вахтер и, кто бы мог подумать, без пропусков не пропускает.

– Девушка, вы куда?

– Мне назначено на хлебозавод «Пончик».

– Позвоните, пусть вас выйдут встретить.

«Как все серьезно, еще бы номер найти. И куда он запропастился? А, вот и он». Набираю:

– Здравствуйте! На сегодня мне назначена стажировка на хлебозавод «Пончик». Я стою на проходной.

– Сейчас выйду вас встретить. Ожидайте, – ответил голос из трубки.

Через несколько минут пришла низкорослая несколько корпулентная блондинка средних лет и повела меня за собой.

– Вы на булочки? – спросила дама.

– Эээ... не знаю, у меня в направлении написано: мелкоштучные изделия.

– Значит, на булочки – констатировала дама.

Мы прошли проходную, двор, зашли в большое помещение на первом этаже, где ездили погрузчики, поднялись на второй этаж – там, судя по всему, была женская раздевалка. Туда-сюда сновали женщины-работницы в белой форме.

– Вам же сказали на собеседовании взять с собой сменную одежду и обувь, на время пока мы вам не выдадим форму? –

спросила меня блондинка. – Переодевайтесь и снимите с себя все украшения.

– Да, конечно. Но я не могу снять одну маленькую сережку с уха, я ее никогда не снимаю, боюсь, что она вообще не снимается. – Зачем-то, видимо, от волнения, выпалила я.

– Правило есть правило – едино для всех. Таковы условия нашего производства: не дай бог что-то попадет в продукцию. Кроме того уже были прецеденты – в тот раз половину бригады уволили. – Выдала свою тираду дама. Но потом внезапно добавила:

– Впрочем, если незаметно – то ладно. Наденьте шапочку и следуйте за мной.

– О, черт, еще и шапочку, – с досадой подумала я.

Надев этот неприглядный «головной убор», я почувствовала себя маленькой белой мышью. Вообще интересная картина вырисовывалась: так много людей вокруг и все как белые мыши. Почему-то вспомнились зарубежные фильмы про лаборатории, где изготавливали что-нибудь жутко секретное.

– Вот наш цех, – показала на пространство перед собой дама. Даму, кстати, звали Аленой Петровной, и была она, как я сразу поняла, нашим бригадиром.

– Здесь все и происходит – продолжила свое объяснение женщина. – Сначала месится тесто, потом девушки его раскатывают, формируют, делают из него булочки и отправляют в печь. Дальнейший процесс движения продукции тебе пока-

жут позже, начнешь с азов. Пока понаблюдай.

– А мне позволят сегодня что-нибудь сделать своими руками? – наивно спросила я.

– А ты думала, просто так стоять будешь?! Вот твой наставник, знакомься, ее зовут Динара, она покажет, как все у нас устроено и всему научит. Если будешь стараться – все получится быстро, здесь нет ничего сложного, высшего образования для этого не требуется.

«Вот, блин, сыпит соль на рану – высшее образование у меня как раз-таки есть. Но, до сих пор (а мне уже, на минутку, тридцать три) это высшее образование ни разу толком и не пригодилось. Может быть, лепить булки – не такая уж и плохая идея?», – пронеслось у меня в голове.

Динара оказалась родом из Дагестана, ей было сорок девять лет, но выглядела она значительно старше своего возраста. Внешность Динары была типичная для женщины ее национальности: темные волосы и глаза, крупный нос. Еще у нее была добрая улыбка. В Петербурге жила с дочкой, зятем и внучкой, остальные родственники остались в дагестанской деревне. Поэтому каждый год на один летний месяц Динара ездила на Родину. На «Пончике» женщина работала уже пять лет. Начинала с уборщицы, потом перевели на формовщицу, а теперь она – наставница для вновь прибывших. А еще, с Аленой Петровной они были чуть ли не подругами, но субординацию все же соблюдали.

Динара подвела меня к рабочему столу. Точнее, было

сдвинуто несколько столов, на которых человек десять – двенадцать девушек самого разного возраста и национальности творили чудеса с тестом. Поначалу я даже засмотрелась на эту виртуозную работу: кто-то катал рулеты, кто-то разрезал их на маленькие кусочки – булочки, следующий подкручивал эти булочки, дальше изделия собирали на противни, ставили в вагонку и увозили в расстойку. Хорошо уяснила я эти процессы несколько позже, а научилась все делать – гораздо позднее.

Наставница начала рассказывать и показывать всю процедуру лепки, а потом предложила и мне попробовать скатать рулет. Наблюдая за другими, кажется все довольно просто, но когда начинаешь делать это сам, все выходит как-то вкривь и вкось. Надо отдать должное Динаре, не теряя терпения и не повышая голоса, она вновь и вновь повторяла мне весь процесс: как держать руки, пальцы, как скатывать рулеты. Но у меня снова и снова не получалось.

Первые пару часов тянулись бесконечно. Работа была ночная, сменная. Смены, как обычно в таких случаях, длились по двенадцать часов. Прошло совсем немного времени, а я уже чувствовала усталость во всем теле и, с ужасом осознавала, что стоять мне здесь еще, как минимум, часов десять... Я молилась всем богам, чтобы дали сил выдержать. Почему-то просто сказать, что эта работа мне не подходит и уйти я не могла, хотя, конечно, имела на это полное право. Есть у меня такое дурное свойство: иногда как будто кляп в рот воткну-

ли, да так, что не могу сказать ни слова, хоть ты тресни. Но вот нас отпустили на десятиминутный перерыв, а еще часа через полтора – на обед. Дальше время побежало быстрее, несмотря на то, что очень хотелось спать. К ночному режиму мой организм, на тот момент, еще не приспособился.

Так прошла моя первая смена. Заканчивали в пять утра, но обычно работников отпускали пораньше. Настало утро. Страшно уставшая, после двух работ, еще и пешком, пошла домой. Расстояние не близкое – восемь километров, но я привычная. Да и на чем доберешься в четыре утра? Метро и автобусы еще не ходят, а если ездить на такси, – то смысла работать на подобной работе нет: все что заработаешь – потратишь на дорогу.

Доплелась до дома и рухнула на кровать. Наверное, помылась перед этим, точно не помню – но должна же была?!

На следующее, вернее, уже на это утро, нужно было идти на стажировку в ресторан. И, будь у меня силы, я бы туда отправилась и, возможно, остановила бы свой выбор на нем. Но сил не было. Написала сообщение менеджеру ресторана, предупредив, что больше не выйду. Кстати, до того, их руководство водило меня за нос: то не вызывали на работу, то звонили и требовали, чтобы через час уже была на месте. Из-за этого я и решила поискать что-то другое – так и попала на собеседование в «Пончик». Поэтому со спокойной совестью написала и вновь провалилась в сон.

Проснувшись за полдень, подумала, что могла бы и сего-

дня сходить на стажировку на хлебозавод. Хотя вчера и казалось, что ни за какие коврижки там больше не окажусь. Но не зря ведь говорят: «утро вечера мудренее...»

Глава 2. Привыкание

Работа начиналась ровно в 17.00. За полтора часа я вышла из дома и, дыша свежим воздухом, в условленный час оказалась на месте. Вахтер снова не хотел пускать. Пришлось наврать ему что-то с три короба. Ни временного, ни тем более постоянного, пропуска у меня так и не было. Выдали его мне, к слову сказать, месяца через полтора. Поэтому охранник каждый раз просил показать пропуск, и каждый раз пускал без него. Даже не знаю, что этому способствовало: мое обаяние или его разгильдяйство?!

Пройдя в раздевалку – переоделась, надела дурацкую шапочку и направилась в цех. Корпулентная тетя Алена, в смысле, Алена Петровна, как большой маяк, уже стояла на своем посту, вернее за своим столом.

По правилам, во всем цехе все и всегда только стояли, да и стульев-то не было. Хотя иногда мы и сидели, но стульев все равно не было – сидели как птицы на жердочках – белые мышки на перекладинах от столов. Но мне до этого еще далеко. Какой там сидеть? Мне еще нужно было катать научиться, а то Алена Петровна сама готова была в любой момент прокатиться по мне своим могучим авторитетом так, что мало бы не показалось.

Второй день прошел также как и первый – как в тумане. Не помню, разговаривала ли с кем-то, ела ли, единственное,

что осталось в памяти – как катала рулетки, вернее пыталась это делать. И у меня не получалось. И на третий день тоже не получалось... Однако мы работали три через три, а потом нас устраивали официально. Хотя у меня ничего путного с этими булками и не выходило, естественно, меня все равно приняли. Потому что желающих было не сказать что много, а точнее сказать – мало. Все же хотят работать в офисе, с бумагами. Наверное, потому что люди очень любят бумаги, особенно с водяными знаками.

На следующий день мне как раз нужно было ехать устраиваться на работу официально. Офис находился в какой-то близлежащей деревне (по крайней мере, городом это было назвать трудно), где-то у черта на рогах. Были там железно-дорожные пути, пройдя через которые я вышла к вокзалу. Пока думала, в каком направлении двинуться дальше, чтобы все-таки разыскать офис, навстречу мне вышла дама с собачкой. Особо не надеясь на ее помощь, я все-таки спросила:

– не подскажите, как пройти к хлебозаводу «Пончик»?

Женщина с гордым видом сказала, чтобы я следовала за ней. И я последовала. Заодно спросила, ну чтобы как-то худо-бедно поддержать беседу:

– И часто вас спрашивают туда дорогу?

На что дама ответила:

– Если бы каждый раз, когда меня об этом спрашивали, мне платили хотя бы рубль – я была бы уже богата.

«Хм... видимо текучка у них там немаленькая, – подумала

я. – Час от часу не легче».

В офисе пробыла примерно с полчаса, заполнив все анкеты, положения, приложения. Только вышла на улицу, как зазвонил сотовый, звонящий предлагал работу, которую я почти месяц ждала. Пришлось отказаться. Не увольняться же через пятнадцать минут после устройства? Этот был бы рекорд в моей продолжительности рабочего стажа. Не солоно хлебавши, поплелась на автобусную остановку. Села. Еду, слушаю музыку в наушниках. Вдруг понимаю, что автобус остановился, а я в нем одна, не считая водителя, который кричит:

– девушка! – Нет, не так: – «дэвушка», это конечная, пора выходить.

Я не нашла ничего лучшего, чем спросить:

– а где находится метро? Как будто не видела, что мы в глуши и метро здесь нет, от слова совсем. На что водитель ответил:

– так вам в другую сторону надо было. Если хотите, оставайтесь. Через «дэсят» минут поедем обратно.

Обрадовавшись, что не надо пересаживаться и искать другой автобус, я продолжила сидеть и слушать свою музыку. Без дальнейших казусов добралась до дома. На следующий день прошла медкомиссию и со справкой, как второгодница в школе, отправилась на работу. Но оказалось, что вышла я не в свою смену...

Глава 3. Новый бригадир

Это я позднее узнала, что в цех нужно приходиться минимум за десять минут до начала работы. А тогда я была жутко пунктуальной – появлялась ровно в 17.00. Без десяти пять пробегала через проходную. А вы помните, что нужно было еще договориться с вахтером, чтобы пропустил без пропуска. Охранники, кстати, как я потом поняла, были разные. Без семи минут залетала в раздевалку. За четыре минуты переодевалась. Надо было видеть эту картину: штаны, кофты и носки летали в воздухе, демонстрируя удивительное мастерство эквилибристики. Как-то раз, торопясь, я даже надела тенниску шиворот-навыворот. И только на рабочем месте Алена Петровна, подозвав меня, на ушко, на весь цех, шепнула об этом.

Таким образом, без трех минут, надев злополучную шапочку, забежала в туалет (простите, дело же происходило в Петербурге – в уборную), и ровно в ровно: штык, как говорится, в штык, в семнадцать ноль ноль, как лист перед травою, была перед Ален Петровной. Но в обозначенный день что-то пошло не так. Видимо, немного больше чем обычно опаздывала, и как Крошечка-Хаврошечка забыла про третий глаз трехглазки, я забыла надеть шапочку. Забегаю в цех без столько важного элемента одежды, а там... нет Алены Петровны. Вместо нее стоит какой-то молоденький паренек и

говорит:

– сюда нельзя без шапочки.

Покраснев с головы до ног и обратно и пробормотав что-то несвязное, побежала надевать злополучный «головной убор». Мой бег потом мне тоже выйдет боком, но это впереди. А пока я вернулась в цех. Немного успокоившись, в шапочке. Сразу поняла, что с этим молодым бригадиром нам будет намного проще и вольготнее, чем с Аленой, и пошла к своему столу.

С вашего позволения пропущу несколько месяцев, но потом вернусь обратно.

Сегодня бригадиром у нас снова молодой человек, звали его, кстати, Виктор. Вернее так его никто не звал – все называли просто Витя. Был он высокий и худой. Из примечательного в его внешности был длинный нос и татуировки на руке. Шестое чувство меня не подвело: с Витей было действительно намного проще и вольготнее. Но в то же время и труднее. И вот почему.

Прошло уже пара месяцев, как я работала на хлебозаводе и уже, естественно, худо-бедно научилась и катать, и лепить, и закручивать, и много чего еще. Но все-таки не так хорошо как бы мне того хотелось. Иногда рулеты получались неплхими, а, порой, они были похожи на удава, только что проглотившего кролика. И, как вы понимаете, булочки из этого получались ни то ни се.

В описываемый день я, видимо, была не в рулетном духе,

и выходило все из рук вон плохо. Пока работницы – мои коллеги – не начали шептаться. Ну как сказать шептаться? Ничего не стесняясь, стоя бок о бок со мной, стали обсуждать и осуждать мою работу. Мне сделалось страшно обидно, потому что, на самом деле, все было не так уж и плохо с моими булками, как я сказала. Но женщины все сплетничали и сплетничали, пока у меня не начали наворачиваться слезы. Я старательно пыталась не разреветься, но ничего не выходило – предательские капли, со все возрастающей силой, накатывали на глаза до тех пор, пока удержать их там уже не представлялось возможным.

Пока оставим меня с накатывающимися слезами. Расскажу про мою боевую подругу – Веру Палну. Вообще-то она была Сергеевна, но Пална мне казалось ей больше подходит – поэтому я звала ее Вер Палной, другие звали – просто Вера. Ну, в смысле, они не говорили так: «просто Вера, иди сюда». Это только «просто Марий» так зовут.

Вер Пална пришла примерно на месяц позже меня, была несколько старше меня – ей было немного за сорок, ростом сильно ниже среднего. Вообще она была такой миниатюрной, что рядом с ней я, со своим метр семьдесят, казалась просто великаном. Вер Пална была страшная хохотушка и страшная любительница справедливости. Кстати, за это свое чувство справедливости потом и пострадала.

Потому, заметив слезы, решающие покинуть мои глаза, ее чувство справедливости покинуло границы ее тела, и Вер

Пална отправилась напрямик к бригадиру Вите и выложила ему все: что, мол, доводят девушку, разберитесь, примите меры.

Витя сразу же подозвал меня к себе и начал допрос с пристрастием: кто, за что и как? Я почему-то вспомнила про заключенных в тюрьме и про то, что они никогда не выдают своих обидчиков, даже если их сильно бьют. И я тоже молчала. Но Витя давил снаружи, а напор слез давил изнутри. И тут я окончательно разревелась и подумала, что сейчас размажется тушь, потекут сопли, лицо покраснеет, и вообще я стану страшно страшной. И все это увидит Витя, и все это увидят все. И мне сделалось так стыдно, что я даже наплевала на теорию с заключенными и сдала свою обидчицу со всеми потрохами, только бы отпустили умыться. Больше, кстати, ко мне никто никогда не приставал, не обсуждал, и я никогда не плакала. По крайней мере, на работе, по крайней мере, касательно работы.

Глава 4. Вер Пална

Так вышло, что с Верой Палной мы сдружились очень быстро и очень близко. Я ее смешила своими дурацкими шутками, она смеялась своим странным смехом. Вот такой симбиоз гриба с деревом. Кто гриб, кто дерево – я не знаю, решайте сами.

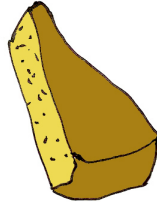
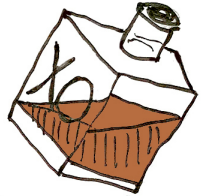
Вер Пална любила иногда в пятницу после работы опрокинуть рюмочку. И порой звала меня в гости. И как-то раз, после смены, прямо в четыре утра, я неожиданно для себя взяла и согласилась. «А почему бы и да?» – подумала я.

Пили мы что-то страшно дорогое – вроде, коньяк с пометкой ХО. Вообще-то в алкогольных напитках я не особо разбираюсь, потому что очень редко что-то пью, хотя «пью» – это, пожалуй, громко сказано – лучше сказать: мочу губы. Но в тот момент по радио постоянно крутили песню: «Её бокал полон ХО, она скрывает свое лицо / Я ни при чем, это твой вайб, это твой вайб / Это твой вайб, это твой вайб...»

Наш с Вер Палной вайб отдавал коньяком и пирогом с капустой, который она накануне выпросила в соседнем «пироговом» цехе. Собственно, мы еще немного посидели, и я ушла домой. А потом Вер Палну уволили, как я уже говорила, за ее обостренное чувство справедливости. Она с кем-то поругалась, кого-то обозвала, ее обозвали в ответ; кого-то подергала за волосы, ее тоже подергали. Короче, слово за

слово пошло-поехало и нашла, как говорится, коса на камень. Со слезами на глазах Вер Пална убежала, а я ее даже не успела утешить, как она меня раньше. Знаю только, что она быстро нашла другую работу, об утраченной ни капельки не жалела, но на ХО меня больше не звала.

Когда ушла Вер Пална, я осталась одна. Одна сидела в столовой. Одна стояла в раздевалке (потому что сидеть нигде нельзя было, кроме столовой). Сама шутила свои дурацкие шутки. Сама смеялась своим странным смехом. Но продолжалось это недолго. Вскоре я обрела новых друзей.

Глава 5. Антон

Шла очередная рабочая смена. Я начала уже немного осваиваться. В цехе было жарко и очень хотелось пить. А где найти воду еще не знала. Вспомнила о кулере, который заметила в момент, когда мне делали что-то типа экскурсии по заводу. И вот я отправилась на поиски бутылки с водой. Немного побродив, все-таки отыскала его. Довольная, стою пью третий стакан, когда ко мне или, скорее к кулеру, подходят двое молодых людей, можно сказать совсем юных, хотя вполне себе внушительных размеров. Один из них начал меня о чем-то спрашивать. А мне было не до парней. Я все еще пребывала в какой-то прострации и меланхоличном настроении, хотела просто работать, чтобы мне никто не мешал продолжать переживать мои переживания.

Пока не выдали форму, я носила свое: штаны в черно-белую полоску и белую тенниску с цветастым рисунком. Кажется, тот парень что-то как раз и спрашивал по поводу моего прикида. Позднее еще не раз он подтрунивал надо мной: «где твои клоунские штаны и шаманская майка?»

Как я узнала позже, парня звали Антон. Было ему двадцать три года, и слыл он хлебозаводным донжуаном. Расскажу как выглядел молодой человек. Был он достаточно высок, складен сложением, с русыми волосами (хотя изначально под шапочкой их и не видно. Меня вот, многие, как это

ни странно, считали блондинкой, пока я не сняла «головной убор»), с большими, иногда они даже казались огромными, серо-зелеными глазами. Глаза эти были с необычным, немного миндалевидным разрезом, как будто в предках у парня числился какой-нибудь Чингисхан. Большими были и губы молодого человека, всегда интенсивно розового цвета (порой у меня даже возникала шальная мысль, что он их подкрашивает). Наша белая форма сидела на юноше как на модели. А еще он необычно подворачивал штанины и рукава, шапочку носил немного набекрень и всегда яркие носки, с разными рисунками и надписями. В общем, как-то умудрялся выделяться на фоне унифицированных белых мышек.

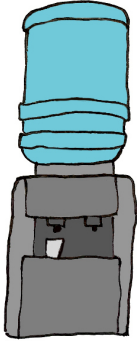
Второй парень – тоже рослый и даже более широкий в плечах. Кареглазый брюнет с лицом вечно пунцового цвета, как у молочного поросеночка. Звали молодого человека Игорем. Он казался намного скромнее Антона или, может быть, просто скучал.

Но этого всего я тогда не заметила. Оба юноши были не в моем вкусе: мне нравились высокие худощавые брюнеты с правильными чертами лица и вселенской тоской в глазах. К тому же парни были сильно моложе меня. Да и, повторю, не до них мне было. Хотелось поскорее напиться (воды, я имею в виду, хотя чего-то покрепче тоже было бы неплохо, но Вер Палны уже не было) и бежать обратно: как бы не кинулись, что меня долго нет.

Вернувшись в цех, я благополучно забыла эту историю.

Пока Антон не стал как-то навязчиво уделять мне внимание: то спросит что-нибудь, то подмигнет, то улыбнется. «Хм, забавный тип...», – подумала я. А после его очередной подобной выходки, рассказала об этом девчонкам в раздевалке. На что они дружно начали надо мной посмеиваться, мол: «не ведись на это, он со всеми такой, особенно с новенькими». И даже Анна Сергеевна поведала историю о том, как пару лет назад этот парень чуть ли не набрасывался на всех девушек, выходящих из раздевалки.

«Да, точно странный..., наверное, и впрямь нужно держаться от него подальше», – решила тогда я.

Глава 6. Анна Сергеевна

Анна Сергеевна была женщина средних лет, единственная кто носил очки на этом заводе (вообще-то очки не разрешались, только если на специальной цепочке). У нее были красивые каштановые волосы и прекрасные большие и глубокие, как швейцарские озера, голубые глаза. Видно, что в молодости Анна Сергеевна была настоящей красавицей. Но даже не это привлекло меня в женщине, а ее характер и потрясающее чувство юмора.

Нескромно будет сказать, что в ней я как будто увидела себя в будущем. В общем, у нас было схожее чувство юмора и мне трудно представить, что может быть круче. Анна Сергеевна как-то сказала, перефразируя Бернарда Шоу, что «юмор – это анестезия, которая позволяет перенести операцию под названием жизнь». А еще мы с Анной Сергеевной были родом из одной далекой южнорусской губернии, землячки короче. А в Петербург понаехали, естественно, как и добрая половина (большая, конечно) наших коллег.

Анна Сергеевна рассказывала, что в молодости у нее была длинная коса, что была она (Анна Сергеевна, не коса) отличницей и играла на скрипке. А потом встретила своего мужа-алкоголика, родила ребенка, отрезала косу и бросила скрипку. Мужа потом тоже бросила. Вела она какой-то небольшой бизнес в Ростовской области. Но населенный

пункт был маленький, вымирал, бизнес хирел, и она решила все продать и с сыном переехать на ПМЖ в славный город Санкт-Петербург. До пенсии оставалось пару лет. Достойную работу, естественно, в таком возрасте найти также трудно, как встретить Санта Клауса летом. Поэтому Анна Сергеевна нашла работу на хлебозаводе, хотя я видела, что она ее и тяготила. Женщина решила, что до пенсии выдюжит. А потом купит домик за городом, будет сажать огород и читать книжки. Не то чтобы Анна Сергеевна сильно рассчитывала на свою будущую пенсию, просто у нее были какие-то накопления от прежней жизни и от продажи дома, а еще надежда на своего уже взрослого сына.

Помните про мой слезливый случай в цехе? После него в тот день меня отправили на другой участок – «сиропить» булки (об этом процессе я расскажу чуть позже). Неожиданно туда пришла Анна Сергеевна, обняла меня и сказала, «чтобы я на эту дуру не обращала внимания, и что я молодец, и что все у меня будет хорошо». Тут мне снова захотелось разреветься. Не думайте, не такая уж я и плакса, просто это было так трогательно, что пробрало до костей. Даже не вспомню, когда меня кто-то так поддерживал и говорил подобные слова. В общем, и без того эта женщина была мне глубоко симпатична, а тут я и вовсе влюбилась в нее. И когда она мне начала рассказывать про Антона и его выходки, я не могла к ней не прислушаться, поэтому решила постараться держаться от него подальше. Хотя надолго меня, как вы до-

гадались, не хватило. И вот как все вышло.

Глава 7. Опоздание

Я уже говорила, что опоздания у нас крайне не приветствовались, а вернее, даже наказывались штрафом в виде снятия часа-другого с табеля, плюс к этому – выговором от Алены Петровны. Что из представленного хуже – трудно сказать. Поэтому в прямом смысле этого слова я никогда не опаздывала, т.е. позднее 17.00 не приходила, но вот эти десять минут до 17.00 для меня бывали, подчас, трудными. Порой я только в раздевалке появлялась без десяти минут – а тут, как назло, была и Алена Петровна. Ну и бучу она начинала:

– ты уже в это время должна быть в цехе, а ты не в цехе, а в шубе. Думаешь это взаимозаменяемые понятия?

А я думала не о взаимозаменяемых понятиях, я думала о том, какой черт занес Алену Петровну в этот час в раздевалку? Она же тоже должна уже быть на посту. А еще я мысленно подсчитывала минуты, за которые нужно все успеть, прикидывала так и эдак, и, если все пойдет нормально, – ровно в 17.00 буду на месте. В другой раз мне уже, конечно, не хотелось попадать впросак с опозданием. Однако выходить из дома раньше все равно не получалось. Это как в том анекдоте:

« – Почему вы опоздали?

– Я поздно из дома вышел.

– Так выходите раньше из дома!

– Так поздно было уже раньше выходить».

Так и мне все время было поздно раньше выходить, но я, обычно, нагоняла минуты в дороге. Шла пешком, примерно час с четвертью (мне даже не нужны было смотреть на часы, чтобы точно знать время – я его всегда чувствовала, вплоть до минуты).

И вот в один прекрасный день иду, в принципе, это можно назвать и бегу, на завод. Проработала я там уж около двух месяцев, немного привыкла, почти научилась катать рулеты. Остальная работа была проще – поэтому тоже научилась. Потеряла Вер Палну и пребывала, в общем-то, в одиночестве, в некоем анабиозном состоянии. То есть я работала и все: ни с кем толком не общалась, тем более – не дружила.

И вот я мчусь на смену, почти уже дохожу до проходной, остается метров пятьсот, как впереди замечаю красно-черную клетчатую куртку Антона. Памятуя обо всем том, о чем мне рассказывали девчонки и, главным образом, Анна Сергеевна, подумала: «блин, как бы мне с ним не столкнуться? Но при этом опаздывать тоже не хочется. Да, дилемма».

Все-таки сбросила темп, держась на приличном расстоянии. Так сказать, из двух зол выбрав меньшее. И тут Антон повернулся, как будто у него был глаз на затылке, и крикнул:
– догоняй быстрее!

«Вот же ж черт!» – мысленно выругалась я. Но делать нечего. Прибавила ход, догнала.

Завязалась какая-то непринужденная беседа. Антон задал вопрос:

– никогда не вижу тебя на подработках. Почему не берешь? Еще где-то работаешь?

Надо сказать, подчас, Алена Петровна чуть ли не силком заставляла нас брать эти подработки. Но я была кремень и упорно стояла на своем, потому что свободное время рассчитывала посвящать другому занятию.

– Ну не то чтобы работаю, но увлекаюсь фотографией, – ответила я.

– И что, прям фотосессии делаешь? Что снимаешь?

– Ну да, больше всего люблю фотографировать девушек в студии.

– А парней что же не фотографируешь?

– Бывает, и парней снимаю, в смысле фотографирую.

Антон слегка улыбнулся.

– Но очень редко, – добавила я.

– А что за дискриминация такая?

– Да просто был случай, после которого как-то отпала охота фотографировать мужчин.

– Расскажешь?

– Как-нибудь, – улыбнувшись, сказала я.

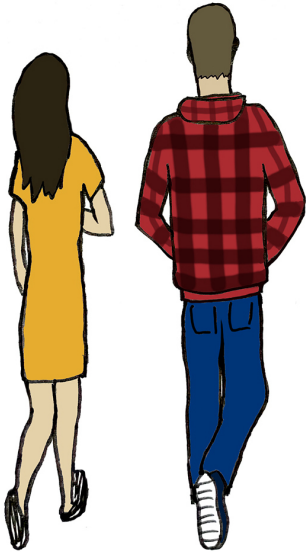
– А сделаешь мне фотосессию? – продолжал Антон.

– Эээ ... почему бы и нет? Нужно только подобрать образ и время.

Он так заинтересованно меня обо всем спрашивал, что

именно в этот момент я, наконец-то, как в фильме «Аватар», его «увидела». Даже то, что парень был очень молод и не в моем вкусе, ушло на второй план. Что-то в нем было особенное, какая-то загадка, или чаще это называют, изюминка. В общем, мне вдруг захотелось спросить, когда у него день рождения. Видимо, мысленно я уже начинала проверять наши гороскопы на совместимость, прикидывать какие у нас могут быть дети... Но постеснялась спросить (про день рождения, не про детей), тем более мы уже почти дошли. Не помню, опоздала я в тот день или нет. Но после того случая все на производстве для меня изменилось. Мне там начало нравиться...

ПРОХОДНАЯ

Глава 8. День рождения

Как обычно, переодевшись, я направилась в цех. Первым делом пошла делить тесто на куски. Эта часть работы (а еще раскаточная машинка) находились ближе всего к соседней бригаде, где делали пироги. Там-то и работал Антон. Мы называли работников «пирогового» цеха «пирогоми», а они нас, соответственно – «булочками».

И я в первый раз начала искать Антона глазами. Его еще не было на месте. «Наверное, в раздевалке прихорашивается, носки надевает, штаны подкатывает – тот еще нарцисс», – про себя сказала я. В этот момент Антон зашел в цех и все, как оголтелые, принялись его поздравлять, целовать. Их бригадир, вернее, бригадирша, Оксана, начала дергать парня за уши, да с такой богатырской силой, что я опасалась, как бы Антон не повторил участи Ван Гога в отношении ушей. И тут я пожалела, что не задала свой вопрос там, на улице. Это, конечно, удивительно, но у Антона именно сегодня и был день рождения.

В ту смену меня отправили на сироп.

Вообще у «булочек» было несколько фронтов работы, и каждый день Алена Петровна назначала нас на разные участки. Хочется верить, что по справедливости назначала, но, на самом деле, не всегда. И, если ты как-то проштрафился, то была высока вероятность отправиться на самую трудную ра-

боту, например, «сиропить» булочки или складывать их (фасовать). В тот день я, видимо, все-таки, опоздала, а может быть просто пришла моя очередь, но назначили меня «на сироп».

Работа эта велась в другой части завода. И, если физически она была более тяжелая, то психологически, наоборот: там за тобой почти никто не следил. А если еще и попадались хорошие напарницы (работали мы по три человека), то вся смена проходила довольно легко и весело. Надо отдать должное Алене Петровне: обычно она ставила в группы людей, которые не конфликтовали друг с другом. Не всегда так выходило, но я замечала, что чаще именно так и бывало. Даже не знаю, случайно ли это получалось у бригадира или преднамеренно, но, я, например, как правило, была довольна своими напарницами.

Работа в сиропной была однообразная и заключалась в следующем: печник из печи привозил вагонки с готовыми булками, а мы обмазывали их специальным сиропом, который сами же в начале смены и готовили. Булок было много, подносы тяжелые, поэтому уже в середине смены начинала страшно болеть спина. Особенно поначалу, когда она, в смысле спина, еще одуревала от такой нагрузки. Потом и спине, и тебе приходилось смириться. «Сиропницы» были территориально отделены от остальных коллег из бригады, даже обедали отдельно – после них. Заканчивая смену, мы были в сиропе с ног до головы, по крайней мере, я всегда

умудрялась загадить всю форму. Причем был такой закон подлости, который гласил: «если ты постирал форму – то сегодня отправишься в сиропную». Примерно также как: «если помыл машину – то обязательно пойдет дождь».

До конца смены Антона я не видела: ни в цехе, ни в столовой, ни в коридоре. После окончания работы нас еще не отпустили по домам, но разрешили уже пойти в раздевалку, хотя переодеваться все равно было нельзя. Сидеть тоже, как вы помните, нельзя – только если вдруг посчастливилось где-то раздобыть стул. Я как раз-таки нашла такой редкий свободный предмет мебели. И вот сидела, что-то читала, вернее, пыталась, но мысли витали где-то далеко...

Вдруг услышала разговор двух коллег-девушек и Антона. Я давно уже заметила, что они были как бы в одной компании, частенько вместе тусили в столовой, общались, да и в цехе поглядывали друг на друга и перебрасывались фразочками. Сейчас ребята стояли в дверях в женскую раздевалку, Антон пил сидр из полторашки, на что одна из девушек, Надя, ему говорила:

– ты что, Антон, пьешь на работе, не боишься, что тебя начальство увидит?

Надя имела небольшой, но милый дефект речи – при разговоре немного прикартавливала и смягчала согласные. Возрастом девушка была на год младше меня – ей было тридцать два года. Говорю девушка, а не женщина, потому что выглядела она именно как девушка – ее настоящий возраст

мог выдать разве что паспорт. Надя была высокой стройной блондинкой с яркими голубыми глазами и пухлыми губами, на которые любила наносить блестящую гигиеническую помаду. Девушка была эрудированной и невероятно дисциплинированной (почти во всем). Все у нее получалось сразу хорошо и лучше, чем у других. Как будто она выпила какой-то эликсир знаний и умений. Был у нее муж и двое детей: девочка лет семи и четырехлетний мальчик. А работала здесь, потому что открыла свой бизнес, связанный с онлайн обучением, который, видимо, пока не приносил желаемой прибыли, поэтому Наде приходилось подрабатывать на заводе. Она так и говорила порой: «я получу, что хочу с булками или без, но с булками получится быстрее». В этот момент мне вспоминались слова Розы из «Титаника», когда та бежала спасать Джека, ехала в лифте в самый низ и говорила служащему: «с вами или без, я спущусь туда, но с вами получится быстрее». Служащий, кстати, как вы помните, не пошел с ней. Но не в этом суть.

Еще у Нади была удивительная способность, я бы даже сказала суперспособность: она очень мало спала, всего пару часов в сутки. Поэтому на работе частенько засыпала стоя, при этом умудряясь катать и нарезать рулеты. Многие даже переживали за нее – как бы чего себе не отрезала.

Чувствовалось, что между Надей и Антоном «что-то» есть. Может быть, это «что-то» было и несерьезным, но, похоже, молодые люди нравились друг другу, несмотря на раз-

ницу в возрасте и социальном положении. Кроме того, они дольше нас всех работали в «Пончике». Эти наблюдения мне как-то не очень понравились. Хотя пока я об этом основательно и не задумывалась.

Со второй девушкой, Ирой, все было гораздо проще. Поначалу Ира казалась железной леди, я ее даже называла терминатором, особенно когда она ходила в цехе с большим ножом и резала рулеты. У нее тоже дело ладилось, видно было, что она умеет и любит работать руками. К тому же девушка была дисциплинированной и никогда не опаздывала, в отличие от Нади, которая опаздывала очень часто, потому что у нее всегда находилась куча дел, связанных с бизнесом и семьей (а в остальном была дисциплинированной).

Но вернусь к Ире. Девушка была моложе нас с Надей – ей исполнилось двадцать семь. У нее были густые волосы до пояса, отливающие медью, рассыпанные по всему телу веснушки, немного оттопыренные уши, что впрочем, нисколько ее не портило. А еще у Иры были необыкновенного цвета глаза: какого-то глубокого синего оттенка. Стройное тело и достаточно замкнутый характер завершали ее облик. Но в тот момент Ира задорно беседовала с Антоном, обещая ему подарить на день рождения упаковку презервативов. Антон как-то отшутился и предложил девчонкам на днях встретиться после работы и отметить его двадцатитрехлетие.

В тот момент во мне что-то дрогнуло и очень захотелось быть в их «банде», чтобы прямо сейчас стоять там с ними,

в узком проходе в раздевалку и болтать о разной чепухе. Я даже не подозревала, что совсем скоро эта моя мечта исполнится...

Наконец, нас распустили по домам. Переодевшись, длинной уставшей толпой, мы потянулись по коридору по направлению к выходу. И когда я проходила мимо мужской раздевалки, оттуда неожиданно, как чертик из табакерки, высунулся Антон, и, глядя на меня, весело спросил:

– а ты меня так с днем рождения так и не поздравил?

Я невероятно обрадовалась, что он помнил обо мне, да еще и выбрал такой удачный последний момент, чтобы обратиться. Однако, смутившись, я пробурчала в ответ что-то типа:

– поздравляю. И быстро скрылась за дверью. Но сердце забилось чаще...

Глава 9. Столовка

Столовка – это особое место, где мы не только и, даже не столько ели, сколько отдыхали: и телом, и душой. В-первых, как я уже говорила, только здесь были стулья и лавочки, и только здесь можно было посидеть, а после многочасового стояния на ногах, посидеть – дорого стоило. В-вторых, здесь проходили все самые душевные беседы, а также праздники: восьмые марта, двадцать третьи февраля, дни рождения... А еще в столовой можно было поболтать с теми, с кем не удалось поговорить в цехе.

Бывали дни, когда наша бригада «булочек» уходила на обед чуть раньше «пирогов». Иногда мы освобождались одновременно. Но такое случалось редко: обычно чья-то бригада шла первой, а потом подтягивалась другая. Поэтому совместного времени в обеденный перерыв оставалось, как правило, всего минут пять-десять. В такие дни, когда мы обедали первые и уже заканчивали – только начинала приходить бригада «пирогов», я ловила себя на мысли, что ищу глазами Антона. Он обычно бодро заходил, сразу с кем-то заговаривал, в общем, всячески излучал оптимизм и обаяние.

Вообще, обаяние было его главным коньком – каким-то невероятным и магнетическим. Как будто в детстве парень упал в чан с харизматичностью (не помню, когда и где услышала эту фразу, но Антону она максимально подходила).

Мне кажется, если бы даже он выглядел не как Аполлон, а был бы худым прыщавым пареньком, с грязными зализанными волосами, то все равно излучал бы это свое непонятное сияние, на которое привлекал людей, и особенно, конечно, девушек. Так ночной свет манит мотыльков, подчас обжигая им крылья.

Во-первых, Антон очень грациозно, и я бы даже сказала, музыкально двигался – как будто не просто шел или совершал какое-то обычное действие, а будто танцевал. При этом всегда смотрел в глаза. А как говорил какой-то умный человек: «нам нравится, когда люди заинтересованно смотрят нам в глаза». Когда Антон смотрел на кого-то, неважно на кого: будь то парень или девушка, мужчина или женщина – все свое внимание и интерес переносил на этого человека, словно ничего и никого другого в этот момент для него не существовало. Безусловно, это льстило и подкупало каждого, кто попадал в этот его световой прожектор внимания. И потому многие хотели «отщипнуть кусочек» Антона-Аполлона. Но Антон был непостоянен и голоден в отношении людей. Он был гиперобщительным. И каждый раз находил новую «жертву» для беседы. Причем, если так позволительно выразиться, не брезговал никем. Казалось, ему абсолютно с каждым есть о чем поговорить, и каждый человек, по-своему, ему интересен и важен. Я, естественно, восхищалась этой его способностью, жадностью и жажде к общению, и умению слушать и слышать. Но Антон не только слушал, он и сам

любил поговорить. Тогда слова срывались с его губ с невероятной скоростью, подчас, кажется, не успевая за его мыслями. И когда парню кто-то сетовал, что тот очень быстро говорит, Антон на это отвечал словами известного рэпера: «это не я быстро читаю, а ты медленно слушаешь...»

В описываемый день «пирог» освободились первыми. И когда пришли мы, «булочки», они уже начали потихоньку расходиться. Но Антон никогда не уходил раньше остальных. Даже если была еще хоть одна минутка времени, он обязательно использовал и ее для общения. Когда мы зашли в столовую, парень домывал свою посуду.

«Значит, у нас есть минут пять», – мысленно прикинула я. Вдруг молодой человек окликнул меня и сказал:

– так что, покажи свои работы по фотографии.

Открыв одну из социальных сетей, я подала ему свой телефон. Пролистав немного, Антон остановился на фото, где была запечатлена я: стояла в белом платье, а вокруг цвели красные розы. Надо сказать, что фото получилось удачное. И парень несколько раз посмотрел то на снимок, то на меня, наверное, пытаясь понять: действительно ли это один и тот же человек.

– А ты симпатичная! – наконец сказал Антон.

– Эээ... спасибо, – выдавила я.

И тут ему уже действительно пора было бежать на рабочее место. Я же со вздохом огорчения поплелась к обеденному столу. А в конце смены, когда мы уже направлялись в разде-

валку, Антон снова подошел ко мне и сказал:

– ну что, давай свой ник, как тебя найти в соцсетях?

– Я думала, что ты не интернетовский парень...

– Вообще-то да я – андеграунд, но аккаунт в сети у меня все же есть.

Я назвала ему свои данные. А молодой человек попросил еще мой номер и дал мне свой телефон, чтобы я сама записала себя в его телефонную книжку.

– Зачем это? – спросила я.

– Просто люблю, когда люди сами называют себя, так как хотят. Это забавно.

Ничего умнее, чем «Люба работа» мне тогда в голову не пришло. На что Антон протянул:

– Неет, ну это совсем не интересно. Тут я подумала, что, возможно, такое сочетание в телефонной книге у него уже есть.

– Придумай что-нибудь пооригинальнее – сказал парень.

Тогда я записала: «Власова Любовь». Рядом с Антоном мой ген оригинальности всегда куда-то пропадал.

– Ну ладно, так получше, – констатировал парень.

Придя домой, я увидела, что он мне скинул какие-то треки. Вообще Антон очень любил музыку. Слушал разную, но, как правило, какую-то депрессивную. Те музыкальные композиции, если честно, я полностью так и не прослушала, но переписка между нами завязалась.

До конца смены я ждала, что Антон добавит меня в дру-

зья, но он этого так и не сделал, хотя я видела, что заходил в соцсеть. У парня был закрытый аккаунт и очень мало подписок. Я подумала, что молодой человек не добавляет туда первых встречных. Мне стало неловко, и я отменила запрос.

И вот, после смены, когда мы уже закончили с булками и занимались мытьем, проходя мимо, Антон спросил:

– а зачем ты отменила запрос??

Я готова была сквозь землю провалиться, но выдавила:

– нуу... я подумала, что ты не добавляешь, кого попало и все такое.

– Да, я не добавляю, кого попало, но тебя собирался. Просто хотел прийти домой и спокойно это сделать.

– А, да? – промурлыкала я. – Ну я тогда снова сделаю запрос, – сказала и почувствовала себя полной дурой.

– Хорошо, – ответил Антон и отправился по своим делам.

Глава 10. Развитие

На следующий день наши бригады пришли в столовую почти одновременно. Антон подсел ко мне и сказал:

– я составил хит-парад твоих фотосессий. Хочешь узнать какая заняла первое место?

– Хочу!

Я-то подумала, что он будет говорить о моих работах, но молодой человек начал говорить о фото, на которых была запечатлена я.

– Не могу определиться с первым местом. Вообще-то мне нравится та, где ты в образе русалки. Но эта серия достойна победы.

«Этой серией» был несколько шуточный фотосет, где я выступала в образе мужчины. Вышло забавно, я даже забыла уже про эти фото.

–А помнишь, ты обещала мне рассказать историю про то, почему редко снимаешь мужчин, расскажешь? – вдруг припомнил Антон.

– Хорошо, сам напросился. Устраивайся поудобнее: сейчас расскажу душеспитательную историю, – заговорщицки сказала я. – Я ей даже дала название: «Страшная история, приключившаяся со мной однажды на фотосессии».

– Хм...интересно, – вставил Антон.

– Дело было так ... – начала я. – Как-то раз ко мне в од-

ну из соцсетей «постучался» парень с заказом на индивидуальную уличную мужскую фотосессию. На что я отправила ему прайс. Молодого человека, по его словам, все устроило, кроме одного – предоплаты. Он, мол, боится заранее расставаться с деньгами, так как нарывался на недобросовестных фотографов. И предложил оплатить весь фотосет сразу же после его окончания. С такими условиями я согласилась. Далее спросила у него про локацию:

– вы какую-то конкретную хотите или на мое усмотрение, или в студии, может быть?

На что парень ответил:

– я бы хотел в определенном месте – там есть граффити, которые я рисовал. Это важно для меня...

– Хорошо, раз важно, – снова не стала спорить я.

Фотосессию договорились провести в воскресенье утром на условленной локации.

Как сейчас помню: мелкий дождик накрапывал... Место, надо сказать, очень странное. Был там яблоневый сад, на другой стороне – хлипкий мостик через канал, затем рельсы, за ними гаражи, на которых – о чудо: обещанные граффити! Вот такой квест мне пришлось пройти, чтобы добраться до пункта назначения. Но самое неприятное ожидало впереди.

Когда я подошла, парень был уже на месте. Стоит такой бочком и говорит:

– мне по нужде нужно...

Я сначала немного опешила, подумав: «мягко сказать,

странно это все, конечно, но вдруг действительно приспичило человеку...»

Мне бы сразу бежать оттуда, а я жду: пять минут – десять... Думаю: «сейчас выскочит из-за гаражей этих с монтировкой какой-нибудь и не быть мне больше ни фотографом, ни вообще никем». Уже пишу маме (своей) его данные, на всякий случай. Чуть позже мне на самом деле становится страшно – поблизости ни одного человека, только электрички проносятся...

Наконец, решаю (неужели?), что надо делать ноги. Тогда я, как горная коза, взлетаю на холм к поездам и тут, на возвышенности, метрах в ста вижу этого субъекта. И понимаю, что, обойдя все гаражи с другой стороны, он убегает.

Подождав еще минут пять, пока субъект не перешел мостик и дорогу, тоже дала деру. Обходными путями, чтобы, вдруг, с ним не столкнуться, на дрожащих ногах, побежала к метро. Вот такая история, – закончила я свой рассказ.

– Да уж, дела. Вам бы книги писать, Любовь! – сказал Антон.

– Какие мои годы, Антон Палыч, все возможно, – шутя, ответила я.

Глава 11. Художники

В другой раз, когда мы с Антоном сидели вдвоем за столиком в столовой, он вдруг предложил:

– а давай нарисуем друг друга?

– Да я и рисовать-то не умею, от слова совсем, – нерешительно ответила я.

– Я тоже, – как ни в чем ни бывало сказал Антон. – Но это ничего, главное – намерение.

– Но у нас ни ручек, ни бумаги нет, – констатировала я факты.

– Как сказал Сократ, Люба: «кто хочет, тот ищет возможности, кто не хочет – ищет причины». Сейчас, я мигом.

Через пару минут молодой человек вернулся с парой ручек и бумагой из тетради в клеточку.

– Ну что, приступим? – лукаво проговорил Антон и тут же принялся за свой лист.

– Ну, хорошо, – ответила я, взяла ручку и начала выводить очертания лица Антона.

Мы смотрели друг на друга, внимательно изучая черты: глаза, рот, нос... Оказывается, это очень романтично – рисовать друг друга. И, действительно, неважно насколько хорошо или плохо у вас получается. Я бы даже назвала этот процесс чуточку интимным. Правда, все время хотелось смеяться.

У нас было не так как в «Ванильном небе», когда героиня Пенелопы Крус нарисовала карикатуру героя, а он (герой Тома Круза) нарисовал красивый портрет девушки. Художник из Антона оказался такой себе, можно даже сказать, что в этом отношении мы с ним оба были немного Пенелопы. Когда закончили – обменялись портретами. С его рисунка на меня смотрела какая-то злобная грузинская женщина, а с моего – придурковатый азиатский мальчик. Придя домой, я заламинировала его рисунок скотчем. Теперь использую в качестве закладки.

Там же, в столовой, между мной и Антоном произошел еще один романтичный момент. Как в детстве, молодой человек сделал кольцо из фольги от конфеты и надел мне на палец. А потом я еще всю смену прятала под перчаткой это «помолвочное кольцо».

Глава 12. Посиделки в столовой продолжают

В другой раз, когда был обеденный перерыв, мы сидели за столом с бригадиром Витей. В тот день начальником был он, потому как Алена Петровна находилась в двухнедельном отпуске, а мы, соответственно, находились в двухнедельной нирване.

И, зная, что скоро появится Антон, я села за стол с Витей, тайно надеясь на ревность первого. Как сейчас помню, был самый вкусный обед, который нам могли дать: брокколи с курицей. В скором времени в столовку начала подтягиваться и «пироговая» бригада. Каждый раз в такой момент мое сердце замирало, и я мысленно спрашивала себя: «когда же появится Антон? К кому подсядет? Пройдет мимо или посмотрит? Заговорит ли?»

Антон сел за наш стол: я так и не поняла из-за меня или благодаря Вите. Был он какой-то, как никогда, грустный. И тут же обратился ко мне:

– вот если я сегодня умру, Люба, ты будешь плакать обо мне?

– Что за глупости говоришь? – резко ответила я.

– Просто скажи: будешь или нет?

– Я даже думать об этом не хочу!

– Вкусный у нас сегодня обед: обожаю брокколи, – сменил тему Антон.

– Ну, хоть что-то у нас есть общее, – подумала я.

Вообще с Антоном, не так, чтобы часто, но время от времени случались такие перепады настроения. Обычно он был весел, активен и задорен, но бывали дни, когда парень замыкался в себе, молча стоял на раскатке или возил свои ведра на рохле. В такие моменты он ни с кем не разговаривал, как будто не замечал никого вокруг и иногда даже не здоровался. Тогда я думала: «что же с ним происходит? Может, что-то серьезное случилось? Или я ему просто надоела, и он хочет от меня отделаться?» Но на другой день веселая версия Антона возвращалась, а грустная пряталась куда-то глубоко, чтобы время от времени снова показаться.

Был еще такой забавный случай в столовой. В тот день столовка была набита до отказа, свободных мест не было вообще, поэтому Антон не мог подсесть к нам, а сел со своей бригадой. Я украдкой бросала на парня мимолетные взгляды. И вдруг меня будто огнем обожгло: Антон пристально смотрел на меня. Машинально полезла в соцсеть и увидела, что парень ведет прямой эфир. Тот, у которого за все время с начала регистрации в сети, было всего пару постов в ленте, а тут прямой эфир? Я сделала вид, что мне не интересно, хотя так и подмывало узнать: о чем он там вещает? Наверное, это слишком самоуверенно, но мне почему-то показалось, что Антон это все устроил ради меня. Тогда я еще была новой

и интересной игрушкой, белой мышкой в лапах чеширского кота. Впрочем, об этом я его так и не спросила.

А однажды, когда, наоборот, в столовке было совсем мало людей, мы сидели с Антоном вдвоем за столом, и молодой человек вдруг спросил:

– хочешь услышать свист соловья?

– Прямо здесь? – я настороженно огляделась по сторонам.

– Ну да, почему бы и нет?

– Ну, в лучшем случае, денег не будет, а в худшем – услышит Оксана ваша, – пошутила я. Хотя... черт с ним, давай!

И тут молодой человек залился художественным свистом. Причем звук был такой тонкий и хрустальный, что он потом еще долго слышался мне повсюду. Забавно, кстати, позже я узнала, что фамилия у парня тоже была птичья – Соловьев.

Глава 13. «Кондитерка»

Наш цех находился на втором этаже, а ниже, под нами располагался кондитерский. Наверное, каждый из коллег нет-нет да и да, – в смысле мечтал хотя бы немного поработать в «кондитерке». Потому что там изготавливали все самое вкусное: торты, профитроли, булочки с кремом, корзиночки с ягодами и много-много еще всякой всячины, только от вида которой слюнки текли.

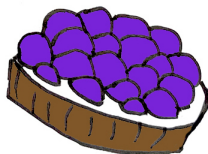
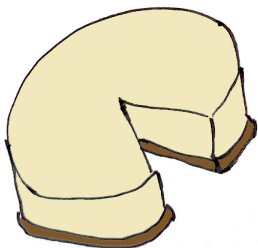
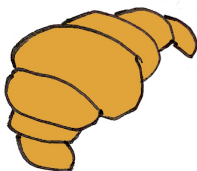
У нас, как у работников, была большая скидка, поэтому «народная тропа» в «кондитерку» не зарастала никогда. Моим фаворитом был шоколадный чизкейк, но доставался он мне крайне редко, потому что желающих было много, а знакомых в кондитерском цехе у меня не было. А вот у Антона, напротив, знакомые, кажется, находились везде. Бывало, сидим в столовке, и кто-нибудь случайно обронит: «вкусненького чего-нибудь хочется к чаю». Тут Антон вставал и куда-то уходил. Минут через десять-пятнадцать возвращался с коробкой всяких вкусностей. В общем, его умение строить глазки и находить со всеми общий язык иногда и нам играло на руку.

А в другой раз Антон возьмет себе пирогов из цеха и ищет потом кому бы их раздать:

- возьми пирог, – говорит мне. – Все отказываются. Я:
- а что домой не несешь? Он:

– да кому у меня эти пироги есть? Сосед уже объелся ими, привередничает. Я тоже их почти не ем.

Был случай, когда тестовод «пироговой» бригады забыл положить в тесто соль. В итоге получилась целая партия несоленых пирогов. А смена уже близилась к завершению. Поэтому созвали всех, кто имел хоть какое-то мало-мальское отношение к «пирогам». Лепили все, даже бригадиры: наша – Алена Петровна, их – Оксана, бригадир слоек – Женя. А потом эти несоленые пироги начали разбирать по домам. Уже никто не хотел этих пирогов, весь завод уже, наверное, ими затарился. А пироги все не кончались и не кончались. Дак Оксана ходила и на весь цех своим могучим голосом кричала как на базаре: «кому пироги? Разбирайте пироги!»

Глава 14. Поклонники

Хлебозавод был трехэтажный. И, как я уже упоминала, мы работали на втором. Наш этаж представлял собой огромное помещение, где не было каких-то отдельных комнат, перегородок или дверей. Можно было свободно перемещаться по всему периметру.

В каждом углу трудились отдельные бригады. Когда нас отправляли «на сироп», «на сборку» или «на сухари» – то мы работали в другой части завода, отдельно от остальных «булочек». А рядом, естественно, находилась какая-то другая бригада. Например, около нас был хлебный цех, и молодые парни там фасовали хлеб по ящикам. Это была, наверное, самая тяжелая в физическом плане работа, на всем нашем этаже. Поэтому туда брали молодых и сильных. Желающих работать на хлебе было не много, в основном, – мужчины из ближнего зарубежья, которые нуждались хоть в какой-то работе. Трудилось там обычно человек пять: Улукбек, Джамил, Захир, Азамат и еще один молчаливый паренек, имя которого я не знала. Парни были молодые, работали каждый день, точнее, в нашем случае, каждую ночь, выходные брали очень редко. Естественно, им было скучно и хотелось хоть какого-то развлечения, а тут куча девчонок вокруг. Поэтому они постоянно пытались нас как-то зацепить: то подмигнут, то в шутку в любви признаются, ну и всякие подобные шту-

ки выделявали.

Мы, девчонки из «булочек», с парнями быстро сдружились и подключились к их игре. Вообще-то нам тоже приходилось скучать порой, хотя и работы было много. Все парни были таджиками или узбеками и по-русски говорили не всегда правильно, иногда я даже не понимала, что они хотят сказать. Любимое их было спросить: «как дела?» И не дожидаясь ответа, отправиться уже по своим делам. Но иногда могли разговориться и такой лапши на уши навешать, что Ганс Христиан Андерсен отдыхал в сторонке.

Так Захир, из всех был самый шустрый, самый разговорчивый, самый веселый и самый молодой. С ним мы общались больше, чем с другими. И вот как-то раз, молодой человек начал мне рассказывать про свою жизнь и свою семью. Что, мол, был женат, есть у него трое детей, но жена ему изменила и, поэтому соперника Захир избил до полусмерти, да так, что тот остался инвалидом. Я даже сначала поверила в эту басню – так чистосердечно парень врал. А еще постоянно звал меня в кино. Как он туда идти собирался я, правда, не знаю, учитывая его график работы и отсутствие выходных. Я естественно говорила, что подумаю. И, естественно, никуда мы не ходили. Но надо же было как-то развлекаться на работе?!

А вот другой молодой человек Азамат, начал оказывать мне настоящие знаки внимания. Был он высокого роста, стройный, с красивым, правильной формы лицом, темными волосами и очень красивыми черными глазами в обрамле-

нии густых ресниц. Короче, был внешне весьма привлекательным и изъяснялся по-русски лучше других. Порой подойдет ко мне и скажет: «у тебя такие глаза красивые...» А как-то раз спросил, сколько мне лет. На что я дипломатично отмолчалась.

Вообще вопрос возраста волновал там, похоже, всех. Поэтому позволю себе небольшую ремарку по этому поводу. До того как устроиться на завод, восемь лет я трудилась на одном месте, поэтому все коллеги друг о друге уже всё знали, и потому вопросами возраста или подобными, никто не задавался. Когда же пришла на завод, наверное, каждый в свое время спросил сколько мне лет. И, если отвечала честно – не всегда верили. Если же врала, то всех все устраивало. Когда, например, у меня спрашивали:

– тебе же есть двадцать пять? Я многозначительно кивала и говорила:

– ага. Когда говорили:

– тебе, наверное, двадцать семь? – я также кивала. Так для себя я решила эту проблему.

Азамату, думаю, было не больше двадцати четырех, а мне, как вы помните, побольше. Хотя и не в этом было дело. В общем, такая ситуация длилась достаточно долго: мы строили друг другу глазки, и мне казалось, что всех все устраивает. Но однажды я стала замечать, что Азамат не разговаривает со мной, не смотрит в мою сторону и даже здоровается через губу. Мне недосуг было разбираться в чем дело. А буквально

через несколько дней одна из моих коллег, Феруза, проболталась об их разговоре с Азаматом.

Но сначала пару слов о Ферузе, потому как она была весьма колоритной и значимой личностью в нашем коллективе. По национальности – узбечка, лет тридцати семи – тридцати восьми. Был у нее семилетний сын, который жил с бабушкой и дедушкой в Узбекистане. Муж был пьяницей и гулякой. Женщина ушла от него, но при этом постоянно скучала и по мужу, и по сыну. Хотела забрать последнего к себе, но билеты в Узбекистан были очень дорогие, поэтому работала и копила. Мужа, думаю, она бы тоже была не прочь забрать. Постоянно говорила: «люблю своего мужа». Что, видимо, не мешало жить супругам раздельно.

Вообще-то у многих работающих там гастарбайтеров была подобная ситуация, когда они не могли съездить на Родину к семье, даже в отпуск. Грустно становится от того, что люди вынуждены расставаться с родными и жить годами, а нередко и десятилетиями на чужбине, чтобы заработать для семьи. Дети растут без родителей, а мужья и жены вынуждены жить в постоянной разлуке. Везет тем, кто может вызвать к себе супруга и детей.

Кроме элементарных расходов на жилье, еду, проезд, такие рабочие мигранты каждый год должны приобретать трудовой патент и каждый месяц вносить авансовые платежи по нему, а еще нужно же какие-то деньги отправлять домой, семье. В общем, все вместе складывается в немаленькую сум-

му. А зарплата была не сказать, что большая. Поэтому гастарбайтеры постоянно брали подработки и трудились каждый день, почти без выходных. А это, поверьте, весьма тяжело: работать по двенадцать часов в ночные смены. Причем двенадцать – приходилось только на работу. На сон и остальные нужды, соответственно, оставалось совсем немного времени. Иногда я тоже брала подработки и тогда чувствовала себя «как выжатый лимон». Поэтому даже не представляю: каково это работать вообще без выходных. Хотя, человек такое существо, которое ко всему привыкает. Быстрее, конечно, к хорошему...

Но вернусь к Ферузе. Была она женщиной средних лет. Но только внешне, в душе же была абсолютным ребенком. Все ее мысли и эмоции не могли удержаться в голове, а всегда сразу и с «грохотом» выплескивались наружу, накрывая нас всех с головой как цунами. Ее считали чуть ли не блаженной. А на таких, как известно, не обижаются. Но при этом, как зачастую и бывает, Феруза говорила правильные и искренние вещи, о которых все думали, но никто не мог высказать вслух. Можно даже сказать, что иногда эта женщина выступала нашей совестью.

Она была маленького роста, с выраженной полнотой. Были у Ферузы живые быстрые карие глазки, такого же цвета волосы. А рот ее не закрывался практически никогда. За что ей часто доставалась как от коллег-женщин, так и от бригадира. Мне Феруза говорила, что я очень похожа на какую-то

ее племянницу. Однажды она мне показала фото этой племянницы. Не знаю, по каким критериям судила Феруза, но схожести между нами было примерно ноль процентов.

И вот мы стояли за столами, каждый занимался своим делом: кто катал, кто резал, кто подкручивал, кто булки собирал. Я уже к тому моменту достаточно сносно научилась катать рулету и стала намного увереннее и спокойнее себя чувствовать. Могла уже слушать и поддерживать разговор за столами. Хотя Алена Петровна и не разрешала нам разговаривать. Вы представляете ситуацию: стоять всю смену, много часов подряд, что-то делать руками, когда возле тебя находится еще не менее десятка человек, и не иметь возможности перекинуться с ними хотя бы парой фраз? В такие моменты я чувствовала себя заключенной, хотя, возможно, даже в тюрьме не запрещают разговоры...

Стоило кому-то что-то сказать или к кому-нибудь обратиться, иногда даже по работе, как зоркий глаз Алены Петровны, как коршун падал на «нарушителя», и бригадирша приказывала перейти на другой стол. Именно приказывала! Потому что по-другому это назвать не представляется возможным: ты должен был немедленно безоговорочно это сделать, даже если приказ был нелогичен и, по сути, мешал работе.

Но иногда и неусыпный глаз Алены Петровны отдыхал, когда она сдавала какие-то отчеты, считала остатки и делала подобную бригадирскую работу, а иногда, о боги, даже нена-

долго отлучалась из цеха. И тогда мы могли наговориться вдоволь. И вот в один из таких моментов ко мне подошла Феруза. Порой мне казалось, что приказ «не разговаривать» создан был специально для нее. Потому что всякий раз, когда у Ферузы открывался рот, руки ее переставали двигаться, как будто она не могла делать эти два действия одновременно. И, наоборот, когда что-то все-таки делала, ни слова не говорила и ни на кого не смотрела.

Я, как обычно, катала рулетки, а Феруза собирала булочки. И вдруг она говорит:

– Азамат влюбился в тебя.

У женщины не было промежуточных состояний, типа нравиться, испытывать симпатию, у нее было сразу: «влюбился». И продолжила:

– и спросил у меня: есть ли у тебя парень. Я сказала что есть.

– А, теперь понятно, почему он перестал здороваться. Ну, спасибо, Феруза. Кстати, а что у меня за парень?

– Антон.

– Антон? Он – не мой парень, он – общий.

– А вообще они с Надеждой любовники, – как ни в чем ни бывало выпалила Феруза, не обращая внимания на то, что секунду назад говорила, что Антон мой парень.

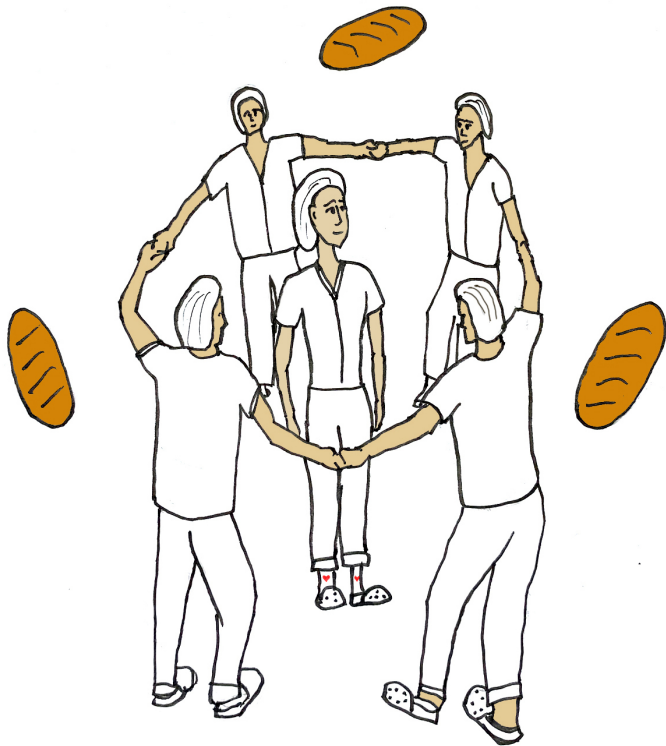
– С чего ты взяла?? – испуганно сказала я, хотя только сейчас утверждала, что Антон не мой парень.

– Точно говорю. Я видела, как они стояли в коридоре и

обнимались.

– Феруза, вечно ты все утрируешь, он со многими обнимается. По-дружески, – добавила я.

Однако червячок страха и недоверия все-таки проник в мою душу. Но пока я его не кормила, он был очень маленький, сидел глубоко внутри и не высовывался.

Глава 15. «Акула в аквариуме»

Как я уже говорила, наш цех располагался на втором этаже, там же находился и кабинет начальства. Если идти прямо по коридору, то сразу на пути он и попадался на глаза. Собственно, это был необычный кабинет, а сильно вытянутый в длину. В нем помещалось столов пять – шесть – для пяти или шести начальников, соответственно. Сидели там, к слову сказать, и технологи. У высшего руководства, конечно, были и свои собственные «апартаменты». Еще из необычного в этом помещении были стеклянные стены, благодаря которым начальники смены и бригадиры могли прямо с рабочего места наблюдать за обстановкой в коридоре и, частично, в цехе. Но и мы, работники, в свою очередь, тоже видели, кто из руководства сейчас в своем кабинете и кого можно не опасаться неожиданно встретить.

И вот идем мы как-то раз своей бригадой из цеха на перерыв, а Замира шепотом говорит: «акула в аквариуме». Я смотрю и вижу, что в кабинете начальников стоит Алена Петровна и с кем-то разговаривает. Потом я еще долго смеялась такому точному определению, оно даже стало у нас нарицательным. Выглядело это и впрямь как в каком-нибудь океанариуме: когда идешь по коридору, а у тебя над головой проплывают акулы. Возникает двойственное чувство: с одной стороны страх – акулы же, и они рядом, а с другой – спо-

койствие, потому что понимаешь, что хоть и находишься в нескольких метрах от хищников, но в безопасности – аквариум тебя защищает. Вот и нас защищал этот «аквариум». Хотя иногда и наоборот.

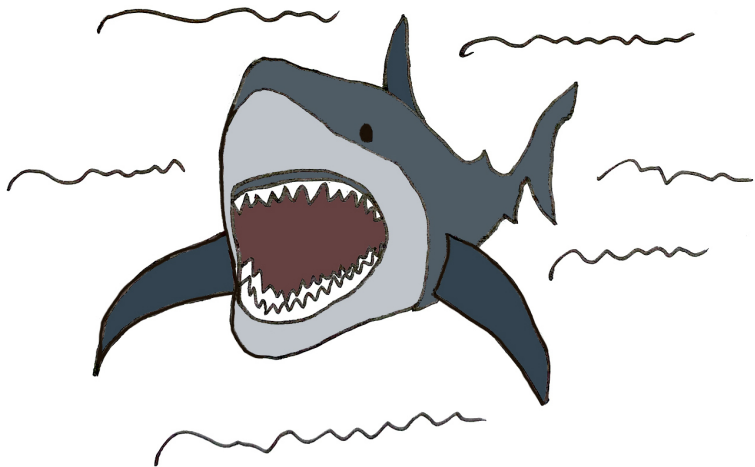
Так, однажды, все бригады сидели в столовой, потому что уже закончили работу и ждали, когда распустят по домам. Вдруг идет Алена Петровна со словами:

– нужно четыре человека, чтобы помыть тестомес.

Все расслабились, были уже, как говорится, на низком старте, а тут идти мыть, да еще и тестомес. Что там с этим тестомесом могло случиться? Карим – наш главный по тестомесу – каждый день его надраивал лучше, чем свою машину, если бы она у него была. Но делать нечего, кому-то надо было идти. Вызвалась наша девчачья команда: я, Надя, Ира и Замира. Каждая взяла по тряпке: настроились драить аппарат. Но когда подошли к нему – тот чуть ли не сиял, как начищенный унитаз, в смысле самовар. Для проформы, конечно, сделали вид, что моем его. На самом же деле, наверное, больше разводов наделали. Поэтому не прошло и десяти минут, как мы уже возвращались обратно в столовку, проходя, естественно, мимо «аквариума». Надя отдала бригадирше ключ от шкафчиков. И тут Алена Петровна заметила маникюр на руках у девушки: у нее были лаком покрашены ногти. А по правилам нашего заведения, нельзя было наносить на ногти ничего, даже прозрачный, даже лечебный лак. И тут бригадирша взбеленилась:

– если бы я увидела это безобразие раньше – заставила бы тебя зубами отгрызть этот лак!

Нам всем сделалось не по себе... Да уж, иногда власть опьяняет.

Глава 16. Маленькие секреты рабочей одежды (или нижнее белье с любовным посланием)

Еще одним фронтом нашей работы была подготовка вечерних начинок для булочек на завтрашний день. Заключалась она в следующем. После основной работы, когда уже скатаны все булки, Алена Петровна распределяла нас по разным делам: кто-то мыл, кто-то «сиропил», кто-то фасовал, а кто-то готовил начинки. Я в тот день была на начинках. Отправляли туда по два человека. Работа проходила в нашем же цехе. Но для начала нужно было запастись тарой, в которой и готовились эти самые начинки: изюм и мак.

Наша бригада отвечала за булочки трех видов: с корицей, маком и изюмом. А в целом на заводе, конечно, изготавливалось множество самых разных вариаций булок, хлеба, пирогов, тортов и других кондитерских изделий. Но каждый цех производил только строго свою продукцию. Когда кто-то и выходил на подработки в другие отделы и бригады, то занимался там самой простой, с точки зрения обучаемости работой: подносил, убирал, вытирал, «пыль с потолков гонял», — как любила говорить Анна Сергеевна.

Итак, в тот день я была на вечерних начинках. Говорю на вечерних, потому что были и дневные, и мне, как и многим,

они не нравились. Правда и ставили меня туда крайне редко. Но некоторых коллег Алена Петровна постоянно туда назначала. Я не очень понимала ее стратегию, возможно, она у нее была. Там, кстати, часто стояла Анна Сергеевна и, несмотря на то, что тоже не любила эту работу, никогда не жаловалась, а принимала как должное.

Однажды, когда она была на этих начинках, кто-то положил в ведро с мутной водой нож лезвием вверх. А те, кто стоят на начинках еще и моют всю посуду. И есть негласное правило: режущие предметы нужно класть лезвием вниз, так как вода от муки становится мутной и ножей, хоть они и большие, не видно. Вот Анна Сергеевна и напоролась на такой нож. Кровищи было... Но она и тогда не жаловалась.

Когда меня первый раз назначили на начинки, я посетовала женщине:

– я же не знаю, как это делается...

На что Анна Сергеевна взяла чашу, поставила на весы, плюхнула туда распаренный мак, взвесила и говорит:

– повтори.

Я повторила. А она:

– ну вот, теперь у тебя есть еще одна специальность – «начинчица».

В общем, Анна Сергеевна меня, и не только, частенько подбадривала и развлекала подобным образом. Женщина как-то рассказывала, что раньше была достаточно жестким человеком и держала себя отстраненно от других. Говори-

ла: «мне было наплевать на переживания людей, что там они думали и чувствовали. Пока я не попала на ретрит на Бали, в группу, где мы несколько дней медитировали. И там как будто открылся третий глаз: я поняла, что хочу слушать и слышать людей. И начала это делать. И этот интерес и желание помогать не ослабевают до сих пор».

И действительно, Анна Сергеевна всегда была очень внимательна к собеседнику, выслушивала и, если просили, была готова дать совет. А еще, как я уже говорила, женщина всегда очень к месту вворачивала какую-нибудь шуточку. Именно она, кстати, научила меня катать рулетки так, что они начали хорошо получаться. У Анны Сергеевны была какая-то своя методика и, надо сказать, что ничто другое у меня не работало, пока я не попробовала именно ее способ. И тогда почти сразу же все получилось – я начала быстро и много катать. И, наконец-то, полноценно влилась в коллектив. Этим вклад Анны Сергеевны в мое обучение не заканчивался, хотя она и не была наставником – просто у нее это хорошо получалось.

Но вернемся к вечерним начинкам. Хотя, вернее будет говорить к ночным, так как на тот момент, было уже, обычно, около часа ночи. Я пошла на поиски тары для начинок. А раздобыть ее не всегда было легко, потому что, зачастую, посуда была на мойке на первом этаже, и приходилось сначала просить мойщиков ее поднять, а потом долго ждать...

Иногда тара была на месте, но одна посуда так плотно входила в другую, что разлепить их голыми руками, по-

рой, не представлялось возможным. Некоторые для этого использовали ковш или линейку, чтобы поддеть мармит – так смешно называлась это тара. А еще был особый метод, который я узнала у мойщиков. Заключался он в том, чтобы кулаками попеременно быстро стучать по посудине (со стороны это было похоже на то, как самец гориллы бьет себя в грудь), от чего мармит приходил в движение, и, видимо, благодаря резонансу, отклеивался один от другого. Но пока я не знала этого секретного способа, и ни ковша, ни линейки у меня с собой не было. Я стояла возле этих корыт и пыталась как-то их отодрать друг от друга. Но ничего не выходило... И тут, как в сказке, откуда не возьмись, появляется добрый молодец в лице Антон Палыча, правда не на коне, а на рохле, причем с полными ведрами – вез их куда-то. Я нагнулась к мармитам и тут краем глаза заметила, что парень улыбается.

– Ты что смеешься, так весело, что ли? – с деланной обидой сказала я.

– Просто мне еще никто так оригинально в любви не признавался.

– Что? Ты о чем? – не поняла я. – Чем ерунду молоть – лучше бы помог.

– Отойди-ка.

У Антона все получилось гораздо ловчее и быстрее, чем у меня, и он практически уже отсоединил всю тару, когда из-за угла вырулила его бригадирша Оксана, со злом посмотрела на нас и сказала юноше срочно идти с ней в холодильник что-

то там переставлять.

Я знаю, что звучит это достаточно смешно: «идти в холодильник». Но, поверьте, так и было: холодильники представляли собой помещение, размером с небольшую комнату, где хранились ингредиенты для нашей продукции. А так как цеха «булочек» и «пирогов» находились рядом, то и холодильник у нас был общий. В общем, Оксана и Антон скрылись в холодильнике, а я, добрав недостающую посуду, направилась в цех.

Позже я сделала вывод, что Оксана тоже была неравнодушна к Антону. И я ее понимаю: к нему сложно было оставаться равнодушным...

Оксане было лет двадцать семь – двадцать восемь, но из-за своих внушительных габаритов – она была достаточно грузна и заметно косолапила – выглядела лет на семь старше своего возраста. При этом у девушки были красивые темно-карие глаза, густые ресницы и длинные шикарные шоколадного цвета волосы. Также в ее арсенале был командный тон и очень сильный голос, которым она любила пользоваться, чтобы кричать на весь цех, хотя получалось на весь завод. Оксана была мать-одиночка и, видимо, не против компенсировать свое одиночество с помощью Антона, уж не знаю в каком качестве – любовника или мужа. Но относилась бригадирша к нему очень ревностно и по-хозяйски.

Оставшись одна, я подумала: «что же Антон имел в виду, говоря о моем к нему признании в любви? Вроде бы ничего

такого не упоминала, не во сне же я проболталась?» С этими мыслями я отправилась в соседний хлебный цех, где кипятилась вода, которой мы запаривали мак. Проходя мимо, заметила Антона и его коллег, которые раскладывали тесто по ящикам. Когда наливала в ведро кипяток, подошел Антон и спросил:

– нужна помощь?

– Ну, можешь залить воду в мак.

Надо сказать, что это тоже не самое легкое занятие для женщины. И, если мужчины предлагали помощь, то я обычно соглашалась, хотя и не всегда.

Пока парень заливал воду, я решила воспользоваться моментом и спросить:

– Что ты там имел в виду?

– Когда? Что? – молодой человек строил из себя дурачка и никак не помогал задать мучивший меня вопрос.

– Ну, там, у холодильника, когда сказал про мое к тебе признание ... в любви, – наконец, выдавила из себя я, покраснев до корней волос.

– А, это, – снова улыбнулся Антон. – Ну так у тебя на трусах написано: «я люблю тебя».

Если бы от стыда можно было сгореть, я бы, наверное, воспламенилась, как Китнисс Эвердин из «Голодных игр», потому что до меня, наконец, дошла вся ирония.

Прошу прощение за столь интимные подробности, но их нужно упомянуть, чтобы все стало на свои места. У нас была

светлая, немного прозрачная форма: штаны и блузка. Блузка длинная, сверху прикрывала панталоны так, что нижнее белье не просвечивалось. И я не особо заботилась, какое исподнее выбрать. И, совершенно без какой-либо задней мысли, надела трусы с надписью: «я люблю тебя». А в тот момент, когда я нагибалась к мармитам, видимо, блузка приподнялась и штаны стали достаточно прозрачными, чтобы можно было различить надпись. «Черт, черт, черт», – мысленно ругала себя я. Стояла и растерянно смотрела на Антона, он как ни в чем ни бывало глядел на меня.

– Ну что, ты там закончил с кипятком? – наконец выдавила я.

– Да, все готово! – спокойно отвечал молодой человек.

– Ну вот и отлично, давай сюда телегу, – немного нервно парировала я.

– Пожалуйста, – ответил Антон и, улыбаясь, отправился по своим делам.

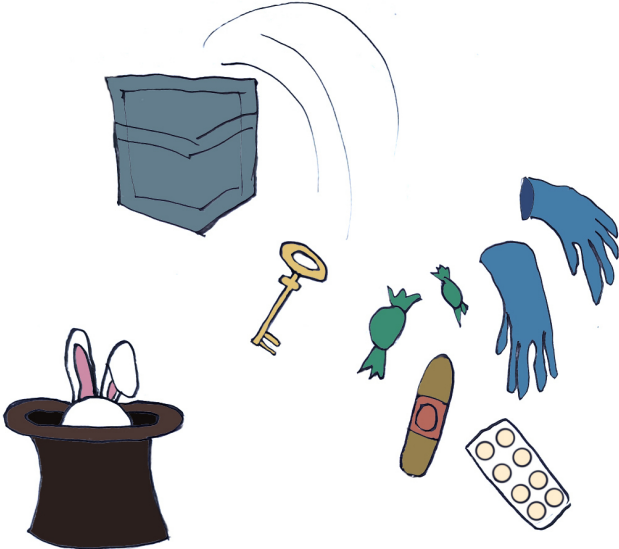
«Вот же ж блин», – крутилось у меня в голове. – Хотя, с другой стороны...это даже забавно».

Позже, когда я мыла посуду в раковине, парень подкрался ко мне сзади как кошка – бесшумно и незаметно, – нагнулся к моей голове и, как вор-щипач, вытащил у меня из-за уха шоколадную медальку.

Оставшиеся рабочие часы, готовя начинку для булок и занимаясь другими делами, я продолжала думать об Антоне. Наступал период, когда мысли о нем очень редко покидали

мою голову...

Раскрою еще немного секретов нашей фирменной одежды. В штанах от формы был один маленький кармашек для ключа из раздевалки. По правилам, больше туда класть ничего не разрешалось. Но, видит Бог, что мы туда только не запихивали. У меня, например, кроме ключа, там всегда находилась пара или несколько пар запасных резиновых перчаток, конфетка или сухарики. Кто-то туда помещал таблетки и лейкопластырь. У Антона же всегда с собой были какие-то шоколадки, причем сам он их никогда не ел, а всегда кому-нибудь раздавал. Короче, я не знаю, как в такой маленький карманчик влезало все это добро, но он был как шляпа фокусника, из которого каждый выуживал что-нибудь интересное.

Глава 17. Подруги: Надя и Ира

Я уже рассказывала, что после ухода Вер Палны осталась одна и ни с кем особо не общалась. Однако это продолжалось недолго.

Еще одним мастером, обучающим меня, кроме Динары, была Надя. На тот момент, когда она начала меня учить, я уже многое умела. Но Надя всегда очень доступно все объясняла, при этом никогда не злилась и не нервничала. Поэтому я сразу же прониклась к девушке еще большей симпатией и не могла налюбоваться на умелые и точные движения ее рук. Чтобы она ни делала – катала ли рулеты, резала ли их, мазала ли булки – все у нее получалось идеально. Мне казалось, что так не бывает.

Плюс ко всему у Нади на все всегда имелось свое мнение, зачастую, расхожее с окружающими, которое она никогда не боялась высказывать. Девушка тесно общалась или, даже можно сказать, дружила с Ирой, которая, напротив, была весьма замкнутой, хотя не скажу, что стеснительной. Со стороны казалось, что Ира просто выполняла свою работу, а на остальное ей было плевать. Уже позже я узнала, что у нее случился конфликт с Аленой Петровной. И вот как все вышло.

Ира, как и большинство из нас была приезжей – девушка с непростой судьбой. Переехала в Петербург из провинциаль-

ного городка вместе с парнем, но вскоре они расстались, и девушка вынуждена была рассчитывать только на себя. Получилось так, что ей пришлось съехать с предыдущего места обитания. Жить было негде, денег почти совсем не оставалось, а до зарплаты было еще далеко. И тут Алена Петровна, надо отдать ей должное, прониклась Ириными бедами, и предложила пожить у них в коммуналке. Одна комната пустовала, да и плата за нее была сравнительно небольшая.

Конечно же, Ире не хотелось жить бок о бок с такой мегерой, как Алена Петровна, но выбора у нее, на тот момент, не оставалось. Она заселилась. И однажды, думая, что Алена Петровна на смене (а та должна была в упоминаемую ночь работать) пригласила к себе друзей: уже знакомых нам Антона, Надю и новенькую Анжелу.

Наши друзья не то, чтобы сильно шумели, но как-то, впрочем, шумели: то выходили в коридор, то в туалет, то разговоры вели. И тут оказалось, что Алена Петровна сегодня почему-то осталась дома и вышла из своего логова. Миндальничать и церемонничать она не стала, накинулась на ребят с криками и возмущениями. Те, конечно, быстро собрали вещи и ретировались. Но Иру, особенно когда выпьет, обуревают дух справедливости. И она высказала Алене Петровне все, что о ней думала – все, что накопилось за последние месяцы... Бригадирша тоже не из выдержанных людей, начала в ответ кричать, чтобы та убиралась вон из квартиры. На что Ира тоже начала что-то кричать. В общем, все эти кри-

ки, распространяемые с балкона седьмого этажа, донеслись до ушей наших друзей, которые в тот момент уже выбрались на улицу. Тут сердобольная Анжела не выдержала и сказала: «ребят, надо ее оттуда спасать!» Как будто она в крепости какой-то была заточена и ее там вот-вот сожрет людоед или поджарит огнедышащий дракон. Впрочем, зная Алену Петровну, это было не далеко от истины.

Ребята вернулись назад, забрали Иру. Она наскоро собрала вещи. И первое время жила у Анжелы. Потом нашла комнату.

После вышеизложенных событий прошло уже несколько месяцев, но отношения Иры с бригадиром остались, мягко говоря, натянутыми. Хотя, надо вновь отдать должное Алене Петровне: на работе она вела себя профессионально и не показывала вида, что как-то обижена на Иру. Что все равно не помогало девушке быть расслабленной и не ждать какого-то выпада или подвоха в свою сторону от бригадира.

Точно не помню, с чего началось наше тесное общение, но надвигался новый год, ребята собирались компанией отметить праздник и позвали меня с собой.

Но сначала немного расскажу про Анжелу. Как она к нам попала и сколько продержалась. Наше нахождение на заводе было похоже на какую-то игру на выбывание или на выживание. Да, да – вот такая «Игра в кальмара» была у нас на производстве. Итак, Анжела.

Глава 18. Анжела

С самого начала, когда девушка пришла к нам на работу, она как-то не очень вписывалась: была она высокой симпатичной голубоглазой блондинкой с прибалтийской кровью (вернее, наполовину прибалтийской, наполовину – армянской). По ухоженному внешнему виду Анжелы было видно, что ее бывшая работа как-то связана с индустрией красоты. Как я узнала потом, она и вправду была косметологом. Устроившись на завод, Анжела, не уволилась с предыдущего места. Мы замечали, что девушке работа на производстве очень тяжела – она была даже немного потерянной, как и я, впрочем, первое время. Но, если мне было некуда идти – пришлось перешагнуть через себя и привыкнуть, то у Анжелы были пути к отступлению. Думаю, поэтому долго у нас она и не задержалась. Кроме того, у девушки были проблемы со спиной. А спина, особенно «на сиропе», особенно первое время, очень бывает огорчена от подобной нагрузки. Однако Анжелин быстрый уход не помешал нам всем сдружиться и общаться уже за пределами завода.

Кроме того, Алена Петровна, почему-то сразу страшно невлюбила Анжелу. Возможно, она в ней увидела себя – ту, которой могла бы быть, но которой так и не стала? Не знаю, это было мое предположение. Бригадирша постоянно придиралась к девушке, контролировала каждое движение:

«Анжела иди сюда, Анжела пойди туда, Анжела сделай то, Анжела не стой как столб». То и дело было слышно со всех концов: «Анжела, Анжела, Анжела...» А как-то раз Алена Петровна вообще закричала чуть ли не весь цех:

– чего ты на Антона вылупилась, давай работай!

Девушка потом жаловалась нам: «мне стало так стыдно перед всеми и перед Антоном особенно». Хотя, надо признать, наш Аполлон, конечно же, не упустил случая ухлестнуть и за Анжелой. Ну а как иначе? Во-первых, девушка была новенькой, а ни одну новенькую Антон не пропускал мимо. А, во-вторых, она была симпатичной. Но почему-то к Анжеле я его никогда не ревновала. Вообще девушка была очень нежная, добрая и ласковая. Казалось, что она всех вокруг любила, и я даже не представляю, как к ней самой можно было относиться иначе.

Таким образом, Анжела долго не выдержала морального и физического напряжения, и через пару недель ушла с производства, открыв свой салон красоты. Мы порадовались за нее. И вот на новый год решили устроить совместные предновогодние посиделки.

Глава 19. Корпоратив

Конечно, никакого новогоднего корпоратива завод нам не устраивал. Но это был не повод не организовать его самим. Своей компанией мы решили встретиться в ресторане. Да, даже рабочие производства иногда могут позволить себе роскошь...

Нам было, в принципе, все равно, где отметить встречу, лишь бы всем вместе. Как главный организатор, место выбирала Надя, тем более что она уже была однажды в указанном ресторане и ей тогда все понравилось. Сразу скажу, что нам тоже все понравилось, кроме счета. Он, мягко сказать, немного превысил наши ожидания. Но, как выяснилось потом, просто кто-то из нас любит дорогие напитки, не будем показывать пальцем на этих двух красоток.

Кроме нас пятерых: Иры, Нади, Анжелы, меня и Антона, к нам присоединился еще Карим. Как я уже упоминала, он был нашим тестоводом. Карим был невысокий, но жилистый и смуглый мужчина неопределенного возраста – ему можно было дать и двадцать пять, и сорок пять лет. Как я узнала позднее, было мужчине сорок три года. Была у него жена и взрослый сын, который жил и учился в Таджикистане. На его учебу и собирал деньги Карим. Работал мужчина больше всех из нашей бригады, я даже не уверена, бывали ли у него хотя бы иногда выходные. И когда мы позвали Карима пой-

ти с нами, просто для проформы, он взял да и согласился. Устроил себе, может быть, первый выходной в году.

Я, Ира и Анжела, как правило, приходим везде вовремя, а Надя и Антон, обычно, опаздывают. Но на этот раз вышло немного по-другому. Теперь опаздывала я, и мне кажется, что на минут эдак сорок. Вообще-то не очень люблю опаздывать (что не означает не опаздываю вовсе). Принято считать, что опоздание является неуважением к ожидающим. Однако совсем недавно услышала другую версию из уст доктора Курпатова (привожу ее не дословно, а так, как запомнила): «люди, которые не опаздывают – зачастую тревожные. И, возможно, из-за этой своей тревожности и постоянного страха опоздать и подвести ожидающих, они как-то грубо могут обращаться с людьми, которые находятся в данный момент с ними рядом, т.е. как бы в моменте опоздания». Поэтому точка в вопросе: «опаздывать – плохо» еще не поставлена.

Так вот, когда я пришла, почти все уже были в сборе: Карим, Антон, Ира и Анжела. Не хватало только Нади. Карим был одет во все черное: черные штаны, черная рубашка, черные волосы и темно-карие глаза завершали образ. Ира была в красном платье и Антоновой шляпе, которую она у того зачем-то заранее выпросила. Анжела надела незамысловатое платьице в цветочек, которое, впрочем, подчеркивало ее свежесть и молодость. Антон был в рубашке цвета фламинго, в розовой, короче. А, учитывая способность его светлой кожи быстро краснеть от самых разных факторов: от алкоголя до

аллергии и температуры, намного реже – от стеснения, – молодой человек, порой, сливался со своей рубашкой.

Я, как и Эльдар, была «тотал блэк лук»: во всем черном, одним словом. Волосы я тоже крашу в цвет воронова крыла, еще с институтских времен. У меня с небольшой горбинкой нос и темные брови, поэтому, зачастую, меня принимают за армянку или грузинку. Но вообще-то я русская, а нос достался от маминых предков. Хотя у меня и светлые серо-зеленые глаза, в обрамлении темных ресниц, многим они тоже кажутся темными – что добавляет уверенности в моем восточном происхождении.

Да, снова пару слов о возрасте, видимо, у меня все-таки уже пунктик по этому поводу... Мне тридцать три, я не была никогда за мужем, у меня нет детей, и да – у меня уже несколько лет как нет парня. Еще можно добавить мои фиаско на профессиональной арене. Вырисовывается какой-то портрет стареющей хронической неудачницы с юга. Вообще-то все не так уж и плохо в моей жизни, просто немножко не так как обычно принято. Как однажды сказала моя подруга, которая в браке уже восемнадцать лет и у которой есть семнадцатилетняя дочь: «знаешь, я никак не могу поверить, что мне тридцать пять». «Фух, – выдохнула я. – А то думала, я одна такая». Но мы немного отвлеклись – вернемся в ресторан к нашей компании, а то они там заждались.

Не знаю, как парни реагировали на появление Иры и Анжелы, но когда я зашла, то ощутила их заинтересованный

взгляд на себе. Или, может быть, на своем декольте. Даже не знаю. Позднее Антон сказал мне, что если бы мы делали сегодня хит-парад внешнего вида наших девочек, то мой бы он поставил на первое место. Допускаю, что сказал он это каждой из нас...

В общем, почти все собрались, не хватало только Нади. Она, не изменяя своим традициям, опаздывала, причем на часа два, не меньше. Не дожидаясь ее, мы уже начали: заказали себе что-то поесть и выпить.

– Кто что будет пить? – спросила Анжела. Она у нас в тот вечер была главная по напиткам.

– Давайте для начала возьмем шоты из настоек. Посмотрим, кому что достанется – ответил кто-то из нас.

Действительно шоты были разные: от вкусеньких до прям противных, от вишневой настойки до огуречной. Я отвоевала себе фруктовые и сидела, медленно потягивая их. Парни, естественно, опрокинули уже по паре стопочек и Карим, как непьющий, почти сразу же опьянел, а Антон порозовел в тон рубашке.

В этот момент к нам подошел молодой красивый парень, как оказалось, приглашенный рестораном иллюзионист. И начал показывать фокусы на картах. А, так как ближе всех к краю сидела я, то молодой человек сразу ко мне и подошел. От неожиданности у меня даже случился тремор. Открою страшную тайну: вообще-то у меня довольно часто трясутся руки – от волнения или страха. Так что дорога в хирурги мне

навсегда заказана. Поэтому я так и сказала хорошенькому иллюзионисту: «извините, но у меня руки трясутся».

Не знаю, что подумал иллюзионист: может быть, что у меня трудные взаимоотношения с алкоголем, а, может про болезнь Паркинсона... Однако внешне нисколько не смутился и продолжил показывать свои блистательные фокусы, подключив уже всех нас к этому действию. А мы, особенно девушки, как замороженные смотрели на руки Андрея и на самого Андрея. Так звали иллюзиониста. Он был не только профессионал своего дела, но и очень обаятельный и лучезарный парень. Хотя, возможно, это тоже можно включить в понятие «профессионал»?! Краем глаза я посматривала на Антона, и мне даже показалось, что он немного ревновал. Вероятно, не нас, девушек как таковых, а к тому, что наше внимание переключилось на другого достойного молодого человека...

Иллюзионист поднял нам и без того приподнятое настроение. Мы жевали, выпивали, шутили. И тут парень с соседнего столика пригласил Иру на танец. Сначала мы обрадовались, начали хлопать и шутить, а потом, когда молодые люди уже вышли на танцпол, поняли, что этот парень пришел не один, а с девушкой. Видимо, они повздорили и молодой человек, таким образом, решил насолить возлюбленной. Короче, ситуация становилась неприятной. Все мы были напряжены до того момента, пока танцоры не вернулись и не разошлись по местам. А тут разгоряченный алкоголем Карим, тоже решил не терять времени даром, и снова пригласил Иру

на танец. В тот вечер она у нас была в фаворе. И пока молодые люди танцевали, мы с Анжелой снимали их танец на телефон, а потом отправили видео в нашу группу. Позже выяснится, что напрасно мы так сделали. А пока мы гуляли, нам было весело.

Наконец, появилась Надя. Выглядела она прекрасно. На ней было сине-черное блестящее платье, длинные сапоги, волосы уложены в мягкие волны. Завершал образ яркий макияж с акцентом на глаза, что было особенно непривычно, потому как Надя была поборником естественной красоты и очень редко пользовалась косметикой, даже ресницы обычно не красила. Что также добавляло еще один балл в копилку ее аутентичности и свободы.

– О, ну наконец-то, Надя, ты в своем репертуаре: не прошло и двух часов, – подтрунивала Ира.

– У нас просто с детьми была фотосессия, поэтому вынуждена была опоздать, – парировала Надежда. – Давайте выпьем?!

– Ну что, за встречу, – сказали мы хором и допили свои шоты. Потом повторили. А потом уже всех потянуло танцевать.

– Потанцуем? – глядя на меня спросил Антон.

– Нет. Пока нет. Нужно дождаться особенной песни, – ответила я.

– Хм, особенной? Это какой?

– Ну, когда заиграет – мы сразу пойдем, – многозначи-

тельно сказала я.

– Ребят, а вы видели, что во дворе стоят козы? – спросила Анжела.

– Козы? Да ты шутишь? Что им там делать? – затараторила я. Вообще я не равнодушна к этим животным, в положительном ключе.

– Я не знаю, вышла подышать, а они там стоят в загоне.

– Хочу, хочу на них посмотреть! – снова зачастила я.

– Так пойдем, посмотрим! – воскликнул Антон. Он уже немного захмелел.

– Пойдем.

Но тут заиграла композиция, которую я ждала. Не то, чтобы прям именно ее я ждала, но вот такую, необычную. В общем, это была «бесаме», и эту музыку я не могла пропустить.

– Вот она, наша песня! – весело сказала я, схватив Антона за руку и потащив танцевать.

На танцполе кроме нас никого не было. Мы кружились в танце, и это было восхитительно. Не знаю, как это выглядело со стороны. Вероятно, как танец двух людей, которым медведь на ноги наступил, хотя... медведь же на уши наступает?... но не суть. Для меня тот момент был особенный, неповторимый – момент, в котором не существовало никого, кроме меня и Антона.

Когда песня закончилась, мы все-таки пошли посмотреть на коз. И правда: две козы или козла, точно сказать не могу, стояли в загончике. Мы с Антоном сделали селфи с этими

козлами. А потом он (в смысле Антон, не козел) приобнял меня и прижался губами к моим вискам. Может быть, для кого-то это и не столь романтичный момент, но мне он показался сверх романтичным: у меня даже ноги подкосились (честное слово, это не речевой оборот), а так как я была на каблуках, то едва не упала. Но, в это самое время, как назло, из дверей вышли Ира с Надей. «Черт их несет, не сами они идут», – мысленно досадовала я. Так или иначе, но волшебный момент испарился, как вода в кипящей кастрюле, ну ладно-ладно, как мираж в пустыне. Мы пошли обратно в ресторан. Потом еще пили, веселились, плясали. Но такого чувственного момента больше не было.

Из ресторана наша компания ушла достаточно рано, но, как говорится, душа требовала продолжения. И Ира предложила:

– Может, поедем ко мне?

– Дак ты же в коммуналке живешь, у тебя там соседи через стену – резонно заметил кто-то из нас.

– Да нет, они ничего не скажут. Поехали! – беззаботно парировала Ира.

– Может быть ко мне? – робко вставила Анжела. – Я живу одна в квартире, двушка – места много.

Я не знаю, почему мы не поддержали это разумное предложение, а поехали к Ире, – чужая душа, как известно, – потемки, а иногда и своя тоже. Особенно, если голова нетрезвая.

Ясное дело – это была весьма самонадеянная затея. Но пока мы были восторженные. Проводили домой Карима, купили еды и отправились к Ире. Кое-как уломали таксиста, чтобы он посадил нас всех в одну машину, тот долго сопротивлялся, но потом почему-то согласился. Помню, в машине я сидела на чьих-то коленях – не помню точно на чьих, и не знаю почему я: как самая старшая или как самая худая? Так, отсидев попы и колени, но довольные, мы доехали до Ириной общаги, поднялись на шестой этаж и зашли в квартиру. Не успели даже разуться и пройти в ее комнату, как вышла соседка с соседом на пару и тоном, не терпящим возражений, предупредили, что завтра им на работу и, чтобы мы не вздумали шуметь.

Тут мы осознали всю глупость нашей затеи. Надя сразу же начала:

– Ребят, может, пойдем отсюда? По-моему, это не вариант. Может, все-таки, к Анжеле?

Но Ира упорно противилась. Она была сильно подшофе, и мы все понимали, кроме нее, естественно, что ехать ей куда-то еще – явно не лучшая идея. Поэтому переглянувшись, решили ретироваться и продолжить вечер у Анжелы, но уже, к сожалению, без Иры. В общем, распрощавшись с хозяйкой, двинулись дальше. У Анжелы было действительно комфортно – никто нам не мешал, никто не выгонял. Кроме того, мы не шумные ребята: заказали пиццу, посмотрели пару фильмов.

Антон, как арабский шейх, расположился посередине дивана, разложив в стороны руки. По бокам в его руках, как и подобает вельможе, находились Надя с Анжелой. Я, на этот раз, как самая скромная, лежала с самого края – мне достались только Антоновы пальцы... Звучит, конечно, как фраза из фильма ужасов, но не поймите превратно: мы просто держались за руки, а мне так хотелось через пальцы передать все, что я к нему чувствую... Это как в «Аватаре» синие люди через косы передавали информацию друг другу, но у Антона косы не было, поэтому приходилось выкручиваться.

Тут Наде, как обычно, резко понадобилось домой. Оно и понятно: маленькие дети, муж. Если честно, мне всегда было удивительно, как у нее вообще получалось вырываться с нами? И все бы ничего – и ехала бы домой. Но Надя всегда забирала с собой Антона, апеллируя к тому, что они живут рядом и совместное такси им обойдется дешевле. Мне всегда казалось, что Антон мог бы еще побыть с нами. До утра, например. Потом можно было уехать на метро – ему-то никуда не нужно было торопиться. Но Надя обращалась с Антоном как со своим мужем (хотя я и не знаю, как она обращалась со своим мужем): решила и баста. Но что самое странное – он (я имею в виду Антона, не мужа) всегда с ней соглашался. Из-за этого в моей голове вновь оживал и вырастал тот разговор с Ферузой, вспоминались ее слова: «Надежда с Антоном любовники...»

«Может быть так и есть?» – думала я, оставшись вдвоем

с Анжелой.

Как только открылось метро, я тоже отправилась домой. Хотя Анжела была очень гостеприимной, и каждый раз угощала всех остаться у нее, выспаться, а потом уже ехать, но ее просьбам никто не внимал.

Глава 20. Недоразумение

Этот и следующий дни мы отсыпались, а потом была снова наша рабочая смена. В перерыве ко мне подошел Карим и спросил:

– а кто отправил в группу видео, где я танцую с Ириной?

– Эээ, не знаю точно, отправляла я и Анжела, вроде бы. А что случилось? – задала встречный вопрос я.

– Ночью моя жена услышала, что пришло смс, посмотрела и даже переправила его сестре.

– У тебя телефон без пароля? – удивилась я.

– Да нет, просто она знает пароль – парировал Карим.

«Какой смысл в пароле, если его все равно все знают?» – мысленно сокрушалась я.

– Короче, теперь жена со мной не разговаривает и ... не спит со мной – обиженно сказал Карим.

– Да там же ничего такого нет – просто медленный танец, вы же не обнимались там, не целовались.

– Да, но у нее другой взгляд на эти вещи. Я ей все объяснил. Но пока она мне не верит.

– Карим, прости, мне очень неудобно, но я не думала, что такое безобидное видео может возыметь подобное действие.

– Да ладно, она отгадет, нужно время.

– Извини еще раз.

«Вот же ж черт, впредь нужно быть аккуратнее с такими

вещами, а то ведь благими намерениями, как известно...» – подумала я.

– Послушай, – окликнул меня Карим. – Только не рассказывай, пожалуйста, никому, особенно Ирине!

– Хорошо, я могила, – сказала я. Хоть мне и хотелось поделиться с остальными этой новостью, но обещание есть обещание. Я отправилась в цех, и пока работала, еще долго досадовала на себя.

Глава 21. «На сборке»

В тот день я была «на сборке». Расскажу немного об этом занятии – что это такое, и как она у нас проходила. Кроме сиропа у «булочек» было еще одно непростое, в физическом плане, направление в работе – фасовка, мы же называли это сборкой готовых булочек. Звучит достаточно просто, но на деле выходило не совсем так. На фасовку выделялось по два человека. А начиналась она после окончания всей основной работы: когда мы слепим уже все булки, когда они пожарятся и будут просироплены. То есть сначала ты со всеми вместе делаешь всю основную работу, а потом еще один, вернее, вдвоем, отправляетесь все эти булочки складывать. А их было, мягко говоря, не мало. Кроме того, ящики, куда укладывались готовые изделия, стояли друг на друге и представляли собой подобие Вавилонской башни. По отдельности были они, конечно, легкими, но все вместе – весьма и весьма увесистыми. Поэтому мы, как правило, просили кого-нибудь парня помочь нам снять их с верха. Обычно это были Азамат или Захир. Но, как я уже говорила, с Азаматом, с некоторых пор, мы не разговаривали, поэтому обращаться к нему с просьбами мне не хотелось. Тем не менее, когда я была на фасовке, парень все время проходил мимо и поглядывал на меня. А однажды даже остановился напротив с девушкой из бригады слоеных булочек Полиной и начал демонстративно

ей что-то рассказывать. Этот его способ заставить ревновать скорее позабавил меня.

Поэтому в тот день мне пришлось как-то справляться с этими ящиками самой, без посторонней помощи. И вот, когда в очередной раз я побежала по палету за лотками (палеты – это такие подставки под ящики) – те, приложенные друг к другу начали разъезжаться. С разгона мои ноги тоже начали разъезжаться, а вернее взвились ввысь. Какое-то время я бултыхала ими в воздухе, как тот мультяшный герой, который, упав с обрыва, сразу не летит вниз, а как бы зависает в пространстве. Потом гравитационная сила все-таки взяла верх, притянула к земле, и я, плашмя, шлепнулась на палет. Благо, что упала на пятую точку. Удар был неслабый, и пару огромных синяков я себе точно заработала. Так-то я постоянно там ходила в синяках: то за стол металлический зацеплюсь, то за вагонку, то вообще не пойму откуда они взялись. Подчас синяки появлялись на моем теле также внезапно, как появляются следы летающих тарелок на полях. И, если бы меня раздеть в тот момент, то можно было бы подумать, что я живу с мужем-тираном, который меня периодически поколачивает.

Вскорости после моего падения мимо проходил Антон. Вдруг я, что на меня совсем не похоже, побежала к нему навстречу и начала жаловаться: как я упала, как мне больно. Благо хоть в объятия парню не рухнула. Видимо, головой все-таки стукнулась. Молодой человек меня, конечно, пожа-

лел, как мог. А я заодно решила попросить его о помощи:

– Антон, можешь мне снять вон те ящики?

А он был любитель всяких оксюморонов, игры слов и прочих литературных изысков. Ответил мне:

– могу, конечно, снять, но у меня камеры с собой нет.

– Все тебе, блин, только смеяться, – деланно надулась я.

Потом он, конечно, все снял. Даже без камеры.

У «пироговой» бригады тоже существовала сборка. Мне казалось, что у них там все проще устроено, чем у нас. Но скорее всего это была просто видимость: чужая деятельность всегда кажется проще. Смотришь, как человек работает и думаешь: «ну фигня же какая-то, что он там пыжится? Все же элементарно и просто». Да, просто первые минут двадцать, а потом начинается сложно: нужна выносливость, которая рождается путем практики и многократного повторения.

Зачастую бывало так, что я была «на сиропе», а Антон – «на сборке». А находилось это буквально в пятнадцати метрах друг от друга. В такие моменты молодой человек говорил мне:

– почему ко мне не заходишь? Мне же скучно одному. А «пирогам» частенько фасовали по одиночке, иногда – по двое. Однажды я собралась с духом и подошла-таки, но пробыла там не больше минуты, мне казалось это странным, что я стою без дела и пялюсь на Антона. Правда, я что-то говорила, но это тоже вряд ли было убедительным. Поэтому расшаркавшись, быстро убралась восвояси. А он мне вдогонку

крикнул:

– ну вот, Любовь, это же не страшно было?

– Еще как страшно, – ответила я шепотом, чтобы никто не услышал.

А Антон, напротив, заходил к нам каждый раз, когда мы оказывались «на сиропе». Однажды из этого вышел забавный конфуз.

В тот день я была какая-то очень уставшая, возможно, даже простудилась.

Вообще-то больных и приболевших на завод пускать не должны. Поэтому каждый день на входе у нас измеряли температуру. Но с градусниками постоянно была какая-то беда: то они вообще не показывали температуру, то показывали тридцать два градуса... Обычно измеряющие говорили: «на улице холодно, наверное, поэтому температура не измеряется». В общем – все логично.

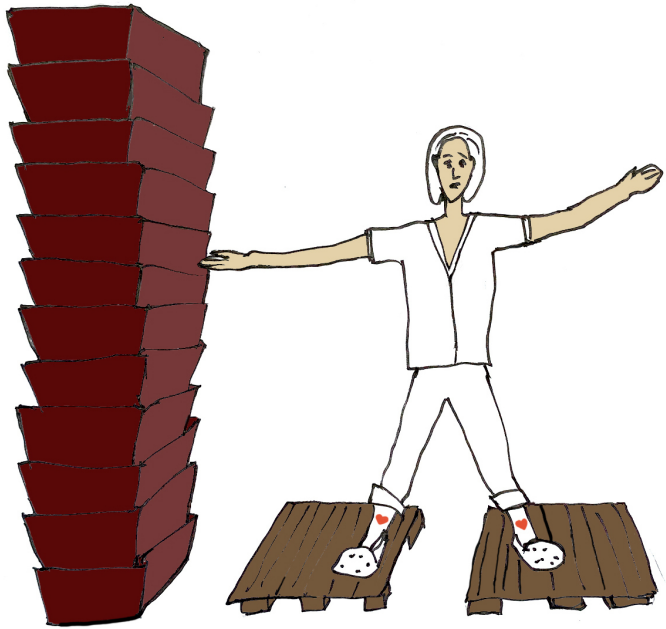
Я села передохнуть на перекладину стола, пока не привезли булки из печки. С моего места хорошо было видно Антона и то, как он раскладывал пироги по коробкам. И вот, сижу я на своей жердочке, склонив голову. Видимо, молодой человек заметил это и решил подойти, спросить как дела. И в тот же самый момент, но с другой стороны, внезапно появилась Алена Петровна...

Чтобы стало понятнее скажу, что «сиропная» – это была как бы «комната» с двумя дверьми на разных сторонах, с той только разницей, что ни дверей, ни потолка в этой «комнате»

не было. И тут Алена накинулась на Антона:

– и чего это ты тут трешься все время? Мешаешь девчонкам работать. А ну-ка марш отсюда!

Наверное, в первый раз я увидела Антона растерянным, он даже покраснел от неожиданности, но очень быстро взял себя в руки и жахнул на Алену Петровну все свое обаяние. Подошел к ней, приобнял за плечи и начал что-то тихо, чуть ли не на ухо шептать. Тут мне показалось, что уже бригадир покраснела, что тоже с ней случалось нечасто. Что молодой человек ей сказал осталось тайной, но Алена Петровна больше не стала выгонять Антона, и конфликтная ситуация сошла на нет.

Глава 22. «На раскатке»

Я уже говорила, что Антон был очень грациозен, и каждое его движение было сродни танцу. Даже когда просто отрывал бумажное полотенце, чтобы вытереть руки или складывал грязные тряпки в пакет для стирки, или бог весть еще какие обычные пустячные вещи делал, – все у него выходило играючи. Может быть, конечно, имело значение еще и то, что я была к нему не равнодушна. В любом случае, я очень любила наблюдать за действиями молодого человека. При этом безумно боялась, что за мной в это время тоже кто-нибудь подсматривает: и не только Алена Петровна, которая могла закричать на весь цех: «чего на него уставилась? Давай работай», но и кто-нибудь другой: Надя, Ира, Динара – не важно...

А когда я все-таки решалась посмотреть в сторону молодого человека – сердце начинало учащенно биться. Антон постоянно устраивал какие-то микроперформансы, как будто был актером на сцене. Думаю, он понимал, что кто-то в этот самый момент на него смотрит, и поэтому становился еще артистичнее: то очень похоже изобразит супермена, то станцует с тряпкой танец а-ля Майкл Джексон, то проедется на своей желтой рохле по всему цеху. Кататься на рохле, кстати, было нарушением устава, за что доморощенному актеру могло прилететь от начальства и, забегая вперед, скажу, что

прилетало. Но он был молод, задорен и смел. Их бригадирша Оксана, тоже испытывая симпатию к Антону, до некоторых пор, закрывала глаза на подобные выходки нашего Аполлона.

Антон обычно назначали на раскатку, так как у «пирогов» это являлось наиболее тяжелой работой, а парней в их бригаде было «раз-два и обчелся». Остальных на этот участок Оксана ставила очень редко и, если по каким-то причинам отправляла Антона на другую работу, то за агрегат вставала сама. Силы этой дамы с лихвой хватало для подобной деятельности – она была эдакая гром-баба, как говорится в русском народном эпосе: «кровь с молоком».

Раскаточная машина «пирогового» цеха находилась в конце нашего. Получалось, что их раскатчик стоял к нам спиной пока мы, «булочки», катали свои рулеты за столами. В такие моменты я подолгу могла смотреть на Антона сзади, на его широкую спину, на его уверенные и такие мелодичные и методичные движения, не боясь быть застигнутой на «месте преступления». Однако и здесь молодой человек, порой, умудрялся повернуться и тогда замечал, как «вылупленно» (или влюбленно) я на него смотрю. Иногда подмигивал, иногда улыбался, иногда просто смотрел, но никогда не отводил глаз. Эта, еще одна его черта бередила мою душу. Как у него так выходило смотреть и не смущаться, не бояться показаться глупым или влюбленным, или смешным? У меня такой номер никогда не проходил... Хотя я, сама того не

желая, ловила себя на мысли, что, как обезьянка, повторяю за Антоном: его быстрые, плавные, но в то же время угловатые движения, болтаю со всеми, улыбаюсь, пытаюсь завести знакомства с кем только можно, стараюсь всем понравиться. На самом деле мне было наплевать на то, кому я нравлюсь, а кому нет: нравиться мне хотелось только для того, чтобы это заметил и оценил Антон. Этот бог солнца стал и моим солнцем, и, с определенного момента, все мои мысли и действия, как планеты солнечной системы, начали вращаться вокруг него...

Иногда и меня ставили на раскатку. На нашу, естественно. Раскатки «пирогов» и «булочек» стояли так близко друг к другу, что слегка обернувшись, можно было увидеть своего коллегу. А еще у нас был общий чан с мукой, который находился прямо передо мной. И когда у Антона заканчивалась мука – он набирал ее с нашего бака. Но даже это элементарное действие молодой человек выполнял с большим артистизмом или, лучше сказать, комизмом: начинал, как крот, загребать муку – из-за чего она летела во все стороны, оседая на его лице. Так конечно, было не всегда, но иногда он так бравировал. А еще парень частенько что-то наговаривал себе под нос, когда работал на своей машинке – то ли рэп читал, то ли стихи сочинял, то ли с собой разговаривал – для меня это так и осталось тайной.

Работа на раскатке «булочек» была в разы проще, чем у «пирогов»: у нас были небольшие куски теста, а у них огром-

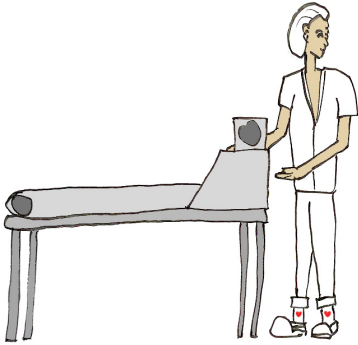
ные листы, которые, казались нескончаемыми. В перерывах между раскаткой этих кусков, Антон проходил мимо наших столов со своими ящиками, наполненными обрезками из теста. Ну как проходил, мне казалось, что проплывал. При этом всегда успевал со всеми поздороваться, кому-то подмигнуть, кому-то комплимент сделать. Мне он, например, говорил: «ну-ка, Анастейша, дай-ка мне пройти».

Как-то поначалу я называла его мистер Грей, поэтому, несмотря на то, что зовут меня Любовь, стала Анастейшей. Я же, в свою очередь, величала молодого человека Антоном Палычем – в честь знаменитого писателя, хотя у него-то отчество было Юрьевич. Но мне нравилось так к нему обращаться, а парень, кажется, не возражал.

Хоть на нашей раскатке было и не сложно работать, но в конце смены, если ты стоял за ней, то должен был ее вымыть. И это становилось сущим адом. Потому как после смены вся машинка покрывалась пылью – сантиметрами мучной пыли. Сначала ее нужно было смести одной щеткой, потом почистить другой, да так, чтобы муки почти совсем не осталось. При этом во всем цехе поднималась страшная пыль. Остальные работники уже начинали в этот момент свою уборку. А эта мучная пыль оседала на их вымытые столы и, естественно, все начинали возмущаться. В общем, нужно было избавиться от злополучной муки как можно быстрее. Иногда я даже на перерыв из-за этого уходила позже остальных. Хотя Алена Петровна блюла не только нашу работу, но и наш

отдых, поэтому, как правило, не допускала подобной неслыханной самодеятельности: в такие моменты просто выгоняла из цеха.

После перерыва нужно было раскрутить на машинке все, что можно было раскрутить, достать те детали, которые можно было достать, вымыть их, отмыть машинку, а потом все закрутить и вернуть на место. У меня этот процесс занимал никак не меньше двух часов, и как я ни старалась, – быстрее не получалось. Хотя, надо признаться, приходилось мне этим заниматься не так уж и часто.

Глава 23. «На столах»

Если тебя не отправляли в «сиропную» или «на сборку», не ставили на вечерние или ночные начинки, то считалось, что сегодня ты «на столах», – и день удался. В таком случае, после завершения основной работы, когда все булки скатаны и отправлены в печь, нас отпускали на получасовой перерыв. Мы пили чай в столовке, отдыхали, залипали в телефоне – все как обычно. А потом возвращались в цех. Нашей задачей было все за собой убрать. Мыть пол, конечно, не входило в наши обязанности, это было занятие клининга. А вот столы, все приборы и предметы, которые мы использовали и трогали – должны были быть приведены в полный порядок. В такие моменты, мы ощущали себя уборщиками, потому что все драили до блеска. Сначала нужно было помыть стол мыльной водой, потом смыть проточной, а третий раз протереть дезинфицирующим средством. Эта процедура занимала у нас еще час-полтора.

Когда я мыла стол и была, не смейтесь: под столом – мыла ножки, частенько мимо меня проходили другие ножки, вернее – яркие «бразильские» носки – так я их называла, потому что они были желто-зелено-синими как бразильский флаг. Мне даже не надо было поднимать голову, чтобы знать, кто это идет. Только один человек мог ходить в таких носках. И я радовалась. Звучит, конечно, наивно, глупо и смешно.

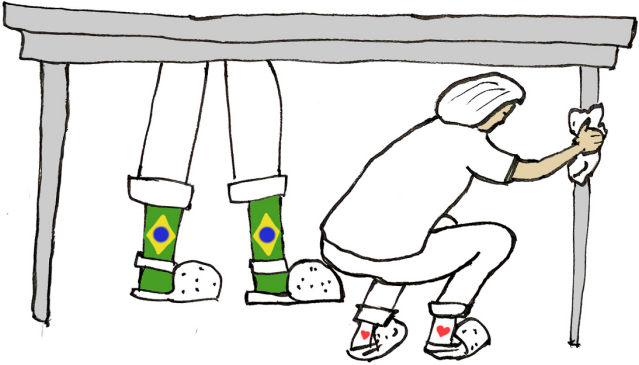
но, но это было так. Кстати, у Антона все носки были забавные: то с какими-то красными перцами, то с философскими надписями. Он говорил по этому поводу: «раз я не могу надеть то, что мне нравится, то, что выражает мой стиль, вкус и внутренний мир, то пусть хоть носки разбавят эту серость и унылость и привнесут хоть какую-то индивидуальность в мой стиль». Вообще-то он выразился как-то по-другому, но смысл был такой. Я же тогда с грустью сказала:

– а у меня простые белые носки... с красным сердечком.

На что Антон мне ответил:

– у вас, Анастейша, не простые носки, а необыкновенные, потому что вы необыкновенная.

Вот как у него так получалось врать, что так хотелось ему верить?..

Глава 24. «На сухарях»

Был у нас и еще один фронт работы. Мы называли его «сходить на сухари».

После выполнения основных обязанностей: когда мы уже слепили все булки, «просиропили», все помыли, порезали бумагу, перебрали изюм, оставалось последнее – «сходить на сухари». Вообще-то это была не наша работа, вернее не нашего цеха. Но, так как «булочки» и «пироги» справлялись раньше, а времени до конца смены оставалось много – нас посылали на помощь коллегам. Находилось это все там же, где были мои знакомые хлебники, где мы «сиропили» и собирали булки, и где была фасовка «пирогов».

Работа состояла в следующем: хлеб, который по какой-то причине не был годен для продажи – то ли оказался с браком, то ли вернулся из наших магазинов – шел на сухари. Этот хлеб нужно было пропустить через специальный аппарат, который нарезал его сначала на ломтики, а потом на маленькие кусочки. Далее сухари отправляли в печь, а потом нужно было их расфасовать по пакетикам. В общем, работа не сложная. У меня она была самая любимая. К этому моменту, мы уже все свои основные задачи выполнили, плюс никакая Алена Петровна над нами не стояла, не довлела, не кричала, и мы могли, работая, вдоволь наговориться. Здесь я отпускала все свои внутренние вожжи и болтала без умолку,

шутила, наверное, как в комеди-батлах и несла всякую чушь, лишь бы поднять настроение себе и коллегам.

Иногда «на сухарях» наша бригада «булочек» работала вместе с «пироговой» бригадой. Но чаще мы отправлялись туда по очереди, потому что иначе на одном месте собиралось слишком много народу. Обычно сначала хлеб резали «пироги», а потом мы за ними продолжали; либо они резали, а мы фасовали. Антона с его коллегами практически никогда не было, потому что Оксана всегда ставила парня на какую-то другую работу. Но как-то раз его все-таки отправили в хлебный цех, правда, не «на сухари», а на помощь хлебникам-борщикам.

Как сейчас помню, у Антона была уже не новая рубашка: так-то это и не рубашка вовсе – у нее вырезанное горло и короткие рукава. Его старая форма уже трещала по швам, и даже в некоторых местах, видимо, от постоянных стирок, прохудилась. Не знаю, почему у молодого человека не было новой формы, вроде бы, нам ее выдавали каждые пол года. А, может быть, просто была в стирке...

Так вот, Антон помогал парням: они фасовали хлеб по ящикам. В тот момент он был так сексуален в этой своей старой порванной рубашке с закатанными рукавами и играющими под ней мышцами, что я забыла, где нахожусь. Правда, продолжалось это недолго, их бригаду позвали на планерку, которая проходила аккуратно напротив того места, где мы работали с сухарями. Антон стоял ко мне спиной, а я продол-

жала на него пялиться. Думаю, что после моего взгляда на его рубашке появилось еще пару дырок.

Также «на сухарях» мы общались с коллегами из смежных цехов. Так я познакомилась с девушкой из бригады слоеных булочек – Полиной. У Полины был весьма необычный образ мысли, на все находился ответ и, что самое удивительное, – она не таяла перед чарами Антона. «Хм...интересная девушка», – подумала я.

Как оказалось, наши с Полиной дома находились в одном направлении. Вместе мы шли минут сорок, поэтому в такие моменты между нами не раз завязывалась доверительная беседа. Девушка рассказывала про свою жизнь, про свои увлечения. А как-то раз даже поведала историю, которая едва не вылилась в трагедию: в детстве Полину сбила машина, она получила серьезные травмы, особенно пострадали ноги, и благодарил Бога за то, что осталась жива. После этого случая девушка увлеклась то ли астрологией, то ли нумерологией – все это было необычно и сложно для моего понимания.

Но больше всего мне хотелось выведать у Полины, почему она так равнодушна к Антону? И как-то раз я решилась об этом спросить. На что она выдала мне свою версию о детских психотравмах и недолюбленности молодого человека. Возможно, так оно и было. А, может быть, просто девушке тоже нравился Антон, и она, боясь отказа, придумала для себя такую версию. Кто знает? Тем более что парень, в свое время, конечно, не прошел и мимо Полины.

Выглядела она как девчонка, хотя ей было уже лет двадцать шесть. Русые волосы, серые глаза, большая татуировка на ноге, которая маскировала шрам от аварии – вот то, что приходит мне на ум, когда вспоминаю эту девушку.

Потом у Антона и Полины случился конфликт. Из-за чего какое-то время молодые люди не общались. А позднее я начала замечать, что они уже сидят вместе и мило беседуют, а иногда даже по-дружески спорят. Я была рада видеть, что Полина с Антоном помирились.

Глава 25. Снова посиделки в столовой

Хотя смена заканчивалась в пять утра, но, зачастую, и мы, «булочки», и «пироги», справлялись с работой раньше, и еще полчаса-час сидели в столовой. Признаюсь честно, этого момента я ждала всю смену, и не потому, что хотела отдохнуть и побездельничать. Просто, только в это время, мы могли поговорить с Антоном, не боясь, что нас кто-то одернет. Не каждый день, конечно, такое случалось, потому что молодой человек, как я уже не раз упоминала, был гипербобщителен, и ему хотелось побеседовать буквально со всеми. Мне даже, порой, казалось, что парень не отказался бы от нескольких голов, чтобы общаться с парой человек одновременно. А я, будь моя воля, разговаривала бы только с ним. Но зная эту его особенность, никогда не навязывалась, а ждала, когда молодой человек сам захочет подойти к нашему столу. Как правило, я находилась там не одна: мы консолидировались группами по интересам, так сказать. Иногда Надя или Ира, или обе сразу, бывали «на сиропе» или «на сборке», тогда случались дни, когда я сидела в одиночестве. В один из таких дней мы с Антоном разговорились.

Обычно беседовали о книгах, фильмах, музыке, психологии, обсуждали какие-то новости... Мне вообще-то было все

равно, о чем говорить – достаточно того, что Антон находился рядом и смотрел мне в глаза. А делать это, как вы помните, он умел мастерски: его не переглядишь и не смутишь. Думаю еще и потому, что молодой человек, в отличие от меня, не воспринимал происходившее между нами всерьез – для него все было игрой. Я это понимала. И могла выбирать: либо хоть иногда видеть и слышать его (тут как у Пушкина: «Чтоб только слышать ваши речи, Вам слово молвить, и потом / Всё думать, думать об одном / И день и ночь до новой встречи»), либо быть в гордом одиночестве. Я всегда выбирала первое.

Настал период, когда мы часто, чуть ли не каждый день, переписывались в мессенджерах. Мне кажется, Антону это было, порой, в тягость. Я это чувствовала, но не могла заставить себя прекратить переписку. И вот бывали дни, когда парень долго не отвечал. А до этого в цехе, например, я могла заметить, как он общался с какой-нибудь девушкой. И потом, после смены, в пять утра, когда возвращалась домой – бесконечно прокручивала все это в голове...

Кстати, в период моей работы на заводе, я встретила столько рассветов, сколько, наверное, не видела за всю жизнь. И вот, иду я в такой рассветный, умиротворенный час, на улице мороз, как и на моей душе – так бывало все внутри сведет, что становилось трудно дышать. Тогда накатывали мысли: «все, он не написал, и больше не напишет, потому что я ему окончательно надоела. А может быть у него появи-

лась девушка? Как вообще у такого парня может не быть девушки? Да у него, наверное, каждую неделю новая... И зачем, скажите на милость, ему я?»

И ревела до самого дома: слезы текли по щекам, на ресницах превращаясь в иней. И давала себе обещание, что возьму себя в руки и больше никогда не буду ничего писать, и вообще забуду его. Но проходил день, другой – Антон что-то отвечал, чаще односложно. И в моей душе снова распустились розы: я тут же забывала свои клятвы и, с удвоенной силой, принималась мечтать о своем сказочном принце.

В тот день мы с Антоном оказались вдвоем за столиком, и между нами случился доверительный разговор.

– Откуда у тебя это обаяние и такая общительность? Наверное, это врожденное, и ты с детства такой? – задала я давно интересовавший меня вопрос.

На что Антон мне, на удивление серьезно (обычно на все он как-то отшучивался), ответил:

– а может быть, наоборот, в детстве я был очень робким и застенчивым. И переборол себя?..

Об этом я раньше не задумывалась. Повисла неловкая пауза...

– А сколько ты здесь работаешь? – попыталась поддержать я разговор.

– Два года, – ответил Антон.

– Два года? Ты шутишь? Как здесь можно продержаться два года? Я рассчитываю максимум до лета. И вообще,

мне кажется это не твое место, ты заслуживаешь чего-то намного лучшего. Ты такой обаятельный, коммуникабельный, артистичный. Тебе бы в актеры пойти... Ну, или хотя бы в офисные работники: в рубашечке и в галстукe бы ходил. А здесь ты со своей раскаткой все ночи напролет проводишь. Так недолго и зарыть свой талант. А какое у тебя образование?

– Повар-кулинар. В принципе, я почти по специальности работаю.

Раньше я не раз себе обещала, что никогда не полюблю мужчину-повара. Мне казалось, что «поворить» должна женщина, и вообще, что не мужская это профессия с кастрюлями, ложками, плошками возиться. Вот что значит нельзя зарекаться. И стало вообще не важно: кем он работает, на кого учился, и еще куча всяких вещей, которые, казалось бы, должны волновать, но не волновали... И все это легло на благодатную почву моих неврозов, меланхолического темперамента, того, что во мне сформировали книги – какой-то трепетный образ, а может быть то самое: «Душа ждала... кого-нибудь... / Ты чуть вошёл, я вмиг узнала / Вся обомлела, запылала / И в мыслях молвила: вот он!»

Мне кажется, что закончится у нас все тоже как у Пушкина. По крайней мере, Онегин отвергнет Татьяну и, быть может, она даже выйдет замуж. Пожалее ли мой Евгений через время об этом? Не знаю. Могу предположить, что нет.

– А почему ты пошел учиться на повара? – продолжила я

свои вопросы.

– Тогда я был еще юн – мало что понимал и мог решать. Мать мне сказала: «выбирай – повар или штукатур-маляр». Не знаю, почему выбор был такой ограниченный. Я остановился на первом. Потом мы с ней сходили в кулинарное училище – это было красивое помещение: стены и интерьер. И мне понравилось. Думаю, я выбрал не профессию, а место, – с легкой грустью закончил Антон.

– Расскажи про школу. Как учился? Тебе нравилось?

Я-то сама в школе училась хорошо, и класс у нас был дружный, поэтому мне, если честно, трудно представить, что у кого-то могло быть по-другому.

– Школу я вспоминаю без энтузиазма, а точнее – стараюсь вообще не вспоминать. Ничего хорошего там со мной не происходило: я был замкнутым парнем, с одноклассниками общался мало, а учителя меня недолюбливали.

– Зато ты сейчас наверстал упущенное. Теперь тебя все любят!

– Да почему ты так думаешь? Мне кажется, куча людей, даже здесь, которые меня недолюбливают, считают выскочкой.

– Но это же не так, это же притворство? Или вы рисуетесь, или напрашиваетесь на комплимент, да, Антон Палыч? – сказала я и слегка толкнула его в плечо.

В этот момент возле нашего столика прошла бригадирша Оксана и слегка покосилась на нас. А чуть позже, в раздевал-

ке, обращаясь, якобы к Жене (Женя была бригадиром слое-ных булочек), сказала: «у нашего Аполлона, похоже, появи-лась новая жертва». Причем, уверена, говорила она это спе-циально так громко, чтобы я услышала. Да еще и мой шкаф-чик, как назло, находился аккурат между ними. Я сделала вид, что ничего не произошло. Что тут можно сказать? Пусть злорадствует. Вообще-то мне Оксану иногда даже жалко. Я же вижу, что она тоже не равнодушна к Антону, но понимает, что у нее нет шансов. Впрочем, как и у меня тоже.

На следующий день, под конец смены, когда осталось только перебрать изюм и порезать бумагу для ящиков, в ко-торые мы фасовали булки, произошел еще один похожий случай. Я пошла за ведром с изюмом, а на нем лежал боль-шой пакетик с ванилином, но выглядел он как большой па-кетик с белым порошком. А тут как раз мимо проезжал Ан-тон на своем желтом коне, в смысле на желтой рохле. Я его взяла за руку и говорю:

– иди посмотри, что нам тут привезли – какой-то белый порошок...

– А, да это уже старая шутка, вы, мадам, опоздали с ней на несколько лет, – весело констатировал Антон.

– «Вот же ж, блин», – сказала я с улыбкой.

Антон улыбался в ответ. Тут откуда ни возьмись, вырули-ла Алена Петровна и накинулась на Антона:

– ты что, к ней теперь пристаешь?

– А ты куда смотришь? – сказала она с досадой, уже обер-

нувшись, ко мне.

«Вы что сегодня все сговорились что ли?» – подумала я в сердцах.

В другой раз мы сидели в предбаннике перед столовой: Антон, я, Надя и Ира. После наших смен, спина сильно затекает и болит. Поэтому среди работников бытовала практика, когда мы делали друг другу небольшой массаж спины – через одежду, естественно, никакого стриптиза.

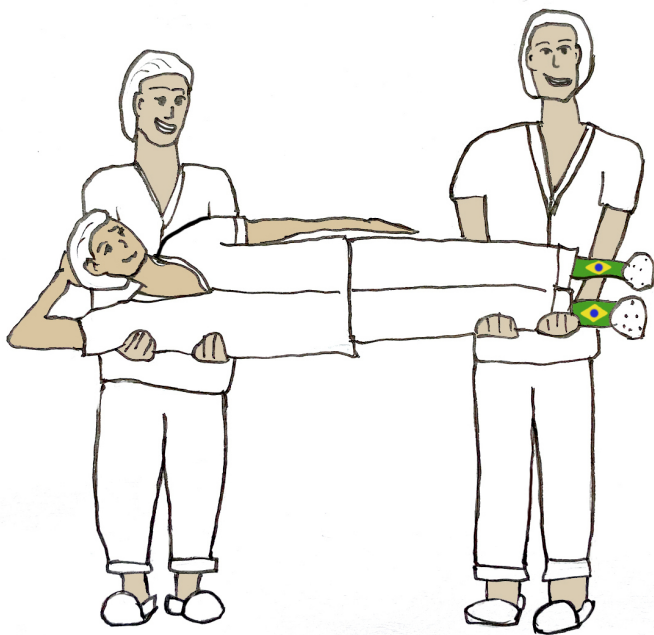
И вот сидим своей компанией, девчонки массируют Антона: кто-то спину, кто-то руки. Я сидела чуть в стороне. Вообще, я всегда опасалась, что кто-нибудь из коллег заметит мое равнодушное отношение к молодому человеку. Поэтому на людях старалась быть с Антоном максимально отстраненной и равнодушной. Даже не знаю, почему так делала. Наверное, потому, что понимала, что между нами ничего быть не может, а у меня как будто притязания какие-то, как будто я приволакиваюсь за ним. И от того было стыдно и неудобно.

И в тот момент, когда мы сидели такой скученной группой, массируя Антона, мимо снова прокосолапила Оксана. И снова в раздевалке я была вынуждена слушать ее речи о том, что: «вот Антоша как хорошо устроился, вокруг сплошь девчонки: одни ему спинку растирают, другие – речи поют».

«Эко как ее задело», – думала я.

Глава 26. Начало конца: первое предупреждение

Однажды мы с одной из коллег, Замирой, отправились в «кондитерку» – попытать счастья с шоколадным чизкейком. На худой конец были согласны и на белый. Однако день (вернее, это было уже утро, конец смены) оказался не рыбным, точнее, не «чизкейкным», и мы возвращались с пустыми руками.

Немного опишу Замиру. Мы с ней не то, чтобы дружили, но были в очень хороших отношениях. Это была миниатюрная девушка лет двадцати шести. Она была узбечкой, как и большинство работников нашего предприятия. В Петербург переехала с родителями и четырехлетней дочкой. Муж пока остался в Узбекистане. Иногда, на перерывах, девушка созванивалась с супругом, и было видно, как сильно молодые люди любят друг друга и скучают. Замира закончила медицинский вуз у себя на Родине, и какое-то время работала там по специальности. Но переехав в Россию, не смогла найти подобную должность, поэтому, хотя бы на первое время, устроилась на завод. Она рассказывала, что иногда ходила на собеседования в медицинские учреждения, но пока тщетно.

У Замиры было очень красивое лицо: огромные карие глаза, особенно, когда она подводила их карандашом и тушью, горели как два черных оникса. Тогда девушка становилась похожа на египетскую царицу. И форму она носила не такую как все, а свою, медицинскую. Если наша спецовка висела на нас свободно как на вешалках, не сковывая движений, но и

не подчеркивая никаких достоинств, то ее халат красиво облегал ее точеную миниатюрную фигурку. Но Алена Петровна почему-то сразу невзлюбила Замиру и постоянно, как и к Анжеле, в свое время, придиралась к ней, то и дело сваливая на нее вину за все подряд. Замира пыталась защищаться, но это было тщетное занятие. Через какое-то время, девушке даже пришлось перевестись в другой цех – так и не смогла сработаться с Аленой Петровной. Но это случилось намного позднее, а пока она терпела и продолжала работать.

И вот мы с Замирой возвращались из «кондитерки» и по пути встретили Антона, Валеру и Рахима. Мне показалось, что они какие-то хмурые. Молодые люди направлялись в кабинет начальников.

В тот день Надя и Ира были, видимо, «на сиропе», по крайней мере, в столовке из нашей компании сидела только я. Через минут пятнадцать парни тоже появились.

– Что случилось? – нетерпеливо спросила я у Антона.

– Валеру и Рахима уволили, а мне сделали строгий выговор и последнее предупреждение, – как ни в чем не бывало рассказывал Антон.

– А что вы натворили? – насторожилась я.

– Да, ерунда, в сущности. Мы пошли в курилку...

– Дак ты же не куришь? – перебила я Антона.

– Да, в смысле нет, не курю, но пошел с ребятами за компанию. И перед входом в курилку Валера и Рахим взяли меня на руки. Так и занесли туда. А в курилке... оказался Сергей.

Сергей был начальником смены. Был он долговязый, большеносый и очень занудный. Я ни разу не видела на его лице даже мало-мальского намека на улыбку. Мне кажется, что когда он женился и тогда не улыбался, и когда ему Дед Мороз дарил подарки на Новый год – тоже не улыбался. А, может быть, Дед Мороз не дарил ему подарки – и в этом все дело? В общем, был Сергей Николаевич очень строгий и очень-очень серьезный. Мне кажется даже хирурги перед операцией не такие серьезные. Поэтому простить парням, по сути мальчишкам, ТАКОЙ дерзости большой начальник не мог и донес на них Тамаре Владимировне, которая являлась самой большой фигурой (в фигуральном, конечно, смысле) на нашем заводе (за исключением гендиректора, который почти никогда там не появлялся).

Расскажу еще небольшую историю, связанную с Сергеем Николаевичем. Как-то раз нас отпустили на очередной десятиминутный перерыв. Жутко хотелось пить, но одноразовых стаканов, как назло, нигде не осталось (свой бокал в тот день я забыла дома). Тогда я зашла в «аквариум» и стащила у них пару стаканчиков – там-то они были всегда. И, чтобы успеть вовремя вернуться в цех, побежала в столовку. Через минуту появился Сергей Николаевич, подозвал меня и строго так сказал:

- это был последний раз, когда я видел, что ты тут бегаешь. Еще раз и уволю.
- Хорошо. Просто у вас стаканов в столовой нет, – вот что

я сказала.

«Ну, увольнять по всякой ерунде вы мастера», – вот что я подумала.

В другой раз по коридором я старалась не бегать, зато очень быстро ходила. Хотя больше меня по этому поводу никто и не трогал.

Второй начальник смены был намного добрее. Звали его Никита Григорьевич. Был он круглый, как колобок – сразу видно, что работает на хлебозаводе. Нас он никогда не ругал, постоянно улыбался. Губы у него были пухлые, очерченные, красивые, как у женщины и всегда масляные, как будто он только что съел чебурек.

Но главное всех, как я уже сказала, была Тамара Владимировна – интеллигентная блондинка средних лет. Она была очень воспитанная, всегда со всеми здоровалась, не обращая внимания на служебное положение человека и его должность. Что, впрочем, не мешало и ей увольнять людей при малейшей провинности. Ситуацию с ребятами Тамара Владимировна тоже не спустила на тормозах, вызвав их на ковер. В результате двое были уволены: Валера и Рахим. Антону повезло чуть больше. На этот раз. Рахим, мол, улыбался, когда начальница их отчитывала. А Валера, якобы, давно был «на карандаше». На Антона уже тоже собирался компромат из доносов бригадирши Оксаны: припомнила она ему теперь и езду на рохле, и случайно уроненный кусок теста, и другие подобные мелочи, которые раньше, возможно, на-

деясь на взаимность, пропускала мимо глаз и ушей. Но пока молодой человек отделался легким испугом. Однако угроза во главе с Оксаной уже нависла над ним. Но это позднее. А пока ребята сидели в столовке и рассказывали мне все это.

– Да уж, история. И за такое увольняют? – спросила я.

– Как видишь, – констатировал мой друг.

– Блин, Антон, будь аккуратнее.

– Какой там, я ж раздолбай.

– Никакой ты не раздолбай, зачем на себя наговариваешь?

Прошло несколько дней как парней уволили, и как-то я спросила у Антона:

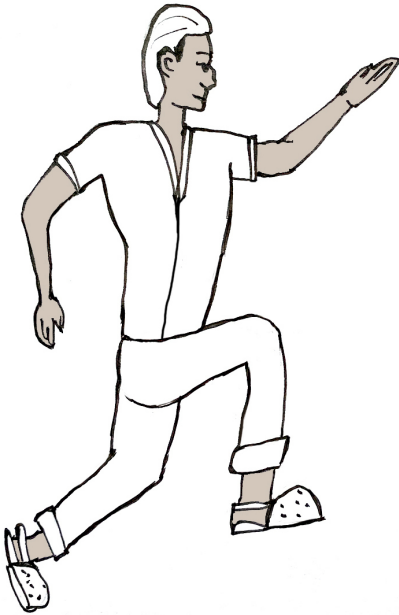
– жалко ребят, да? Скучаешь по ним?

– Да нет, с чего ты взяла? – равнодушно ответил молодой человек.

– Ну как, вы же общались, я думала должен скучать... Какой-то ты бессердечный, Антон Палыч.

– Наверное, Анастейша, так и есть.

Мне стало грустно. Значит и по мне, когда я уйду, не будет скучать...

Глава 27. Утро перед «закатом»

На место уволенных парней взяли Александра – мужчину в возрасте, который, как говорил Антон, всегда имел в застолье историю – на любой случай жизни. И вот, после окончания очередной смены, мы сидели за столиком в столовой: Александр, Антон, Ира и я.

Пять минут назад всех отпустили по домам, и коллеги поплелись переодеваться. А мне, в последнее время, хотелось хотя бы на несколько минут задержаться, чтобы еще хоть чуть-чуть побыть с Антоном. А потом, как сумасшедшая, «залетала» в раздевалку – там уже все были одеты и направлялись к выходу. Входную дверь открывали всего на несколько минут, выпускали собравшихся, а потом снова закрывали до пяти утра. И, если ты не успеваешь выйти со всеми, то приходилось ждать еще час. И вот, забегаю в раздевалку, я переодевалась за две минуты: штаны, кофты, носки снова летали в воздухе, как и в начале смены. Удивительно, что я всегда успевала. Думаю, все знали, что я засиживаюсь с Антоном, поэтому потом так тороплюсь, но Оксана злорадствовала: никогда не упускала случая, чтобы не подколоть и не свернуть гаденькое словечко. Но я на нее по-прежнему старалась не обращать внимания.

В тот день я со всеми побежала в раздевалку. Почти переоделась и вдруг почувствовала, что не хочу уходить – хочу

еще лишний час побыть с Антоном, а домой, поспать всегда успею. Переодевшись назад в форму, с дрожащими коленями, вышла в столовую. С дрожащими, потому что мне было страшно, что об этом подумает Антон. Но молодой человек, как обычно, не выказал никакого удивления – ну вернулась и вернулась – как будто я каждый раз так делаю... И все равно я была страшно рада, что осталась, и еще почти час мы сидели и болтали о всякой ерунде.

В следующую смену я снова задержалась с Антоном до конца, но на этот раз мы остались вдвоем. Часы показывали начало пятого, так что почти все разошлись по домам – лишь те, кто добирался на общественном транспорте, ждали открытия метро или начала работы автобусов. Мне не нужно было ничего ждать. Я, как уже упоминала, ходила пешком. А вот Антон ездил на метро – поэтому всегда дожидался пяти. С ним частенько оставалась и Ира, потому что она добиралась домой на автобусе, по крайней мере, до тех пор, пока у девушки не появился молодой человек, который начал заезжать за ней на машине.

И вот мы сидели с Антоном вдвоем, болтали о музыке. Музыкальные вкусы у нас совершенно не схожи, если не считать одного известного рэпера. Но я готова была слушать что угодно, лишь бы быть с парнем на одной волне. И тут Антон говорит:

– хочешь, сделаю для тебя экскурсию по тайным местам завода?

– Сейчас? – как дура спросила я.

– Ну да, почему нет?

– Нуу... потому что ты и так под колпаком у начальства.

Не усугубляй.

– Как хочешь, – равнодушно сказал Антон.

Мы сидели напротив раздевалок. Вдруг из мужской (странно, конечно, если бы из женской) вышел Азамат. Тогда мы уже были с ним в контрах и даже здоровались через губу. Выходя, парень обвел нас с Антоном пристальным взглядом. Потом, кажется, мы и вовсе перестали здороваться. Но меня, естественно, это не волновало.

По поводу ревности, но на этот раз Антона, расскажу еще один забавный случай. Я была на фасовке, в другом конце завода. Подошел Захир и попросил у меня немного булочек. Мы иногда, в тайне от Алены Петровны, отдавали поломанные булки, если они кому-то были нужны.

– Хорошо, если будут – принесу, – ответила я.

Только собралась отнести моему приятелю булочки, как появился Антон Палыч. Я побежала к Захиру, отдала заначку, а Антон стоял и так странно смотрел на меня...

А потом за утренними посиделками сказал:

– я смотрю, хлебники к тебе равнодушны?

– Ну да, есть такое, – не без гордости констатировала я.

– Почему им булочки носишь, а мне нет? Я буду ревновать, – на удивление серьезно сказал Антон.

«Я бы многое отдала, чтобы ты начал меня ревновать», –

подумала я, понимая, что этого никогда не будет. А сегодняшний случай – другой вид ревности, связанной с «тараканами» Антона. Ему же всегда хотелось быть единственным и неповторимым, чтобы все внимание концентрировалось только на нем, тем более той, которая бегала за ним как собачонка, не замечая никого вокруг. Самое смешное, что я все понимала, но не могла и не хотела что-то менять. Мне нравилась моя, хоть и мучительная и невзаимная, но любовь. Или одержимость? Для меня было не важно. Подобного чувства я давно не испытывала, а, может быть, и вообще никогда не испытывала. Это было как амок. А Антон – мой наркотик.

Глава 28. Увольнение

Работу в тот день мы закончили рано: было около трех часов пополуночи. И тут как будто со мной приключилось дежавю: снова мы с Замирой возвращались из кондитерского цеха, снова проходили «аквариум» и встретили Антона. Я почувствовала что-то неладное.

Мы сидели в столовой, занимаясь, как обычно, всякой ерундой: кто в телефоне, кто чай пил, кто общался с коллегами. Я нервно ждала Антона. Когда он вошел, по выражению его лица ничего нельзя было определить, но я все-таки поняла, что что-то случилось. Спросила:

– Зачем ходил в «аквариум»?

– Рыбок покормить...

– Ну я серьезно, зачем?

– Подписал заявление по собственному желанию.

– Как? Почему?

– Предложили написать заявление с открытой датой. И, если что, при первом моем промахе, пустить бумагу в дело. Сказал, что не буду такое подписывать. Тогда «посоветовали» увольнение. Вот и вся история.

– Нееееет, Антон, ну нет!

– Не расстраивайся ты так, Анастейша, я ж не умираю – будем видеться.

– Нет, не будем, ты все врешь! Знаю я эту историю: сна-

чала вы питаете друг другу каждый день, потом через день, потом раз в неделю, потом раз в месяц, а потом у вас появляются новые увлечения, друзья и подруги. Нееееет, почему все так несправедливо?..

Я была жутко раздосадована и расстроена. Молодой человек взял мою руку в свою. Перерыв заканчивался – мне нужно было идти «на сухари». Я встала. Антон все еще не отпускал мою руку, потом наши пальцы заскользили, удаляясь друг от друга, и был момент, когда они едва соприкасались, почти как на картине Микеланджело «Сотворение Адама». А потом я ушла... Антон крикнул вслед:

– мне еще две недели отрабатывать. Я еле удержалась, чтобы не разреветься.

Две недели, естественно, пролетели как два дня. Кроме того, в последние смены Оксана почему-то решила не допускать Антона к его основной работе на «пирогам», а отправляла на более тяжелую работу – в хлебный цех. А наша бригада, если вы помните, в той части завода «сиропила» булочки. И вот настал последний рабочий день Антона. «На сиропе» стояла: я, Ира и Замира. У Нади был больничный.

Я знала, что Антон должен прийти, но он никогда не приходил заранее (работа не была исключением), всегда – в последнюю минуту. И вот, почувствовала спиной, что приближается. Внутри у меня все затрепыхалось: так и не смогла привыкнуть к его появлениям. Повернулась: он шел своей фирменной походкой. Издалека заметила на нем майку, но

не обычную рабочую, а с каким-то принтом. «Что там изображено? Он и целующая его девушка? Вот черт, это же, наверное, его девушка! Конечно, я – балда!» – такой диалог в это время ураганом пронесся у меня в голове.

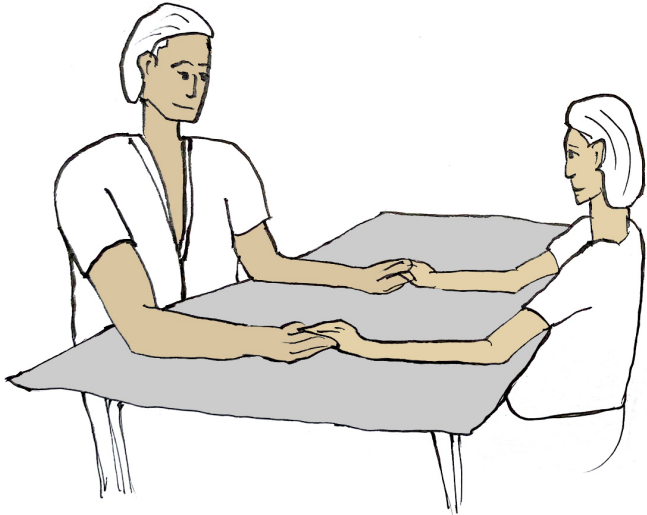
Парень подошел ближе, улыбка до ушей, весело поприветствовал ребят из хлебного. Мы с девчонками находились чуть дальше. Тогда Антон подошел и к нам, поздоровался и я, наконец, увидела, что у него изображено на майке: целующая его девушка – это Оксана. Антон для прикола сделал печать на майке со своей «любимой» бригадиршой. Потом, кстати, я у него спрашивала про судьбу этой вещи, сказал, что пригодилась в качестве половой тряпки. «Фух, значит, не его девушка, – выдохнула я. – Кажется, жизнь налаживается...»

Но вот закончилась смена. Мне была пора уходить, а Антон оставался работать еще два часа. Я уже находилась в раздевалке, а так хотелось побежать в цех и обнять его на прощание. Но, как обычно, не могла себе этого позволить... «Ну вот и все», – подумала я. Как у Майкла Джексона: «ну вот и все».

Трудно описать мои чувства в первые рабочие дни без Антона. Пропал всякий стимул ходить на завод. Я тешила себя только одной надеждой: доработать до лета и уйти. Когда мы катали рулету – с грустью смотрела на раскатку «пироговой» бригады. Там стояла либо Оксана, либо новенький, очень тощий паренек Олег. Смотрела и почему-то думала: «как в нем

только душа держится?» У Олега, конечно, не было тех ловких, музыкальных, артистичных движений...

Когда заканчивали работу и мыли столы, очередной раз, сидя под ним – с тоской констатировала: «никогда мне больше не увидеть этих быстро вышагивающих бразильских носков». Когда меня отправляли на сборку – с безнадегой высматривала: «не идет ли молодой человек в рваной рубашке, чтобы помочь снять ящики и повеселить?» Но самое печальное было сидеть в столовой и знать, что этот удивительный парень не войдет вдруг и не присядет за наш стол, и не заговорит, и не рассмешит... Мое солнце закатилось.

Глава 29. Приступы ревности продолжают

Когда уволили Антона, Нади не было на работе, она в тот момент находилась на больничном. И вот как это произошло.

В одну из смен мы были с ней «на сиропе». Пока ждали, когда испечется новая партия булок, пошли попить воды. Возвращались через хлебный цех. Надя шла по той стороне, где были расположены двери в расстойку. А они, надо заметить, очень мощные. В этот момент печник с обратной стороны, со всей своей богатырской дури, толкнул дверь ногой, чтобы выкатить вагонку. А та со всей силы ударила Надю по плечу. Слава Богу, девушка в этот момент отвернулась, и не задело голову. Врач диагностировал сильный ушиб, и пару недель Надя провела дома. Ну как дома? У нее хоть появилась небольшая возможность отоспаться и поработать на своей основной работе. А когда она вернулась, Антона уже уволили, что не помешало Наде быть отлично осведомленной о его делах. Я подумала тогда: «значит, они общаются...» И действительно, позже мои подозрения подтвердились.

Мы сидели в столовке: я, Надя и Ира. На столе лежал Надин телефон экраном вверх и вдруг начал звонить. Краем

глаза я заметила, что звонок был от Антона. Потом Надя отходила, долго о чем-то с ним разговаривала. Еще я видела, что она без конца с кем-то переписывается. Не могу с полной уверенностью утверждать, что именно с Антоном, но, что-то мне подсказывало, что так и было. Снова у меня начались приступы ревности. Думала: «да что же такое? Нет его уже здесь, а я все равно ревную? Когда это кончится?»

Не хотела злиться на Надю. В общем-то, она не была ни в чем виновата и, если так можно выразиться, имела такие же права на внимание Антона, как и все мы, как и я, в частности, а может даже и большие, если учитывать продолжительность их знакомства. Но одно дело понимать, а другое – чувствовать. И из-за этих своих чувств я, подчас, грубила Наде, после чего не раз испытывала угрызения совести. Не знаю, понимала ли девушка в чем дело или нет. Но, если понимала, то делала вид, что ничего не происходит. И продолжала ко мне относиться хорошо, хотя, как ни странно, для меня это было еще более безжалостно, чем возможная злоба и агрессия. Так или иначе, холодок между нами все-таки пробежал.

Однажды, когда мы снова собрались вместе, Ангела шепотом спросила Надю:

– ты что его (Антон) к Любе ревнуешь?

На что Надя пренебрежительно ответила:

– к кому? Нет, конечно!

Как будто я пустое место и ко мне и ревновать-то даже нельзя. В общем, все как-то негласно сводили Надю с Ан-

тоном, хотя я и не понимала, зачем он ей нужен, если есть муж? Но и того она не бросала. Думаю, выражение «собака на сене» в тот момент подходило ей как нельзя лучше.

Я же тогда решила, что так просто не сдамся. Раньше я вела себя так, что некоторые барышни уводили нравившегося мне парня прямо из под носа. Но теперь цена для меня была слишком высока: я не готова была без боя отдать Антона ни Наде, ни кому-либо другому. При этом почему-то чувства самого Антона ни я, ни Надя особо не учитывали.

Глава 30. Новый этап: Юрка и Сергей

После увольнения Антона прошло уже несколько месяцев. В один из дней на работу к нам пришли устраиваться два молоденьких паренька. Звали их Юркой и Сергеем. Были они, как мы узнали позднее, неразлучными друзьями. Юрке было девятнадцать, Сергей – на год младше. Первый отчислился со второго курса, второму же было скучно учиться – перевелся на заочку. И вот Юрка захотел заработать себе на машину. Сергей же во всем поддерживал друга, даже говорил: «свою зарплату будешь откладывать на машину, а на мою – будем жить».

Получилось так, что Юрка попал к нам – в бригаду «булочек», а Сергей – в соседнюю бригаду «пирогов», там, где раньше работал Антон. Сначала я не обратила внимания на ребят, подумав: «что за мелюзгу понабрали?»

Юрка был невысокого роста, светлые глаза, русые волосы. Что было примечательно в его внешности – так это бакенбарды, как у Пушкина. На его юном лице они смотрелись как-то чужеродно. И позже, когда мы уже сдружились, я иногда над ним подтрунивала:

– что Юр, может тебе стихи начать писать? Бакенбарды, по крайней мере, у тебя уже есть.

Парень обладал добрым сердцем, мягким нравом и задорной, почти детской улыбкой. Алена Петровна, как обычно, была в своем репертуаре: сразу набросилась на новенького. Возможно, у нее был такой ритуал посвящения в работу, не знаю. Поэтому, главное было – пережить первые две недели, когда она придиралась к каждой мелочи и по всяким пустякам. Дальше, как правило, бригадирша свыкалась с человеком и оставляла его в покое, в разумных пределах, естественно.

Юрку каждый день она ставила на раскатку. Причем паренек Махмуд из соседней бригады слоеных булочек, научил его катать не по одному куску, как делали мы, девочки, а сразу по несколько. Поэтому работа пошла намного быстрее. Но Алене Петровне и этого было мало. Она то и дело кричала со своего места: «Юра, катай тесто, Юра, катай, Юра то, Юра это...» Стоило парню на секунду отвлечься, как бригадирша тут же его дергала со своим: «катай, катай, катай». А то кричала еще: «Юра, шевели колготками».

Удивительно, что Юрка на нее не обижался и даже видом никогда не показывал ничего подобного.

Была у него особенность речи – на букве «т» он немного заикался. С другими буквами все было в порядке, а на этой его речь пробуксовывала. Мы иногда в шутку прикалывались над ним, зная, что осталось три куска теста, кричали со своих столов:

– Юра, сколько там штук осталось?

–Т-т-т-риии, – наконец, выговаривал Юрка. Но и тогда не обижался на нас.

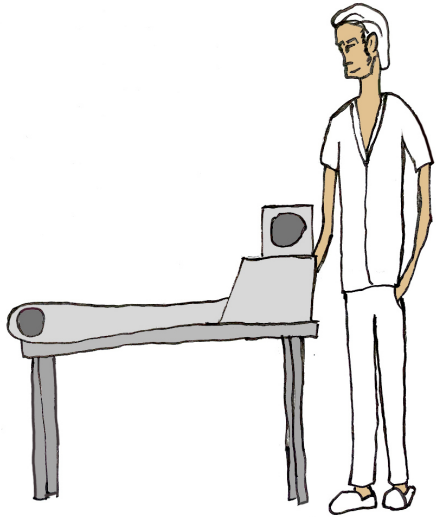
Несмотря на то, что парни очень дружили, схожего в них было также мало как у Тимона с Пумбой или как у Штепселя с Тарапунькой. Они были не похожи ни внешне, ни характерами.

Сергей был высок ростом и худощав. У него были красивые блестящие каштановые волосы, пухлые губы и большие зеленые глаза. Вообще он походил на большого ребенка и вел себя, порой, соответствующе. Иногда из-за какой-то, как нам казалось ерунды, Сергей мог обидеться и не разговаривать с нами или с другом несколько дней к ряду. Но чаще, все-таки, находился в своем привычном расположении духа: был рассудительным и сдержанным. При этом всегда готов был прийти на помощь, как и Юрка, впрочем, – в этом они были схожи. Парни почти каждый день угощали нас шоколадками, которые Сергей приносил для Юрки. В общем, у молодых людей были какие-то трогательные отношения. Поэтому, много позже, когда мы узнали, что Юрка начал встречаться с девушкой, мягко говоря, были немного удивлены. Обвели, обвели нас парни вокруг пальца.

И вот такой обновленной компанией: Ира, я, Надя, Юрка и Сергей, мы обычно сидели в столовке. С появлением ребят, на работе снова стало как-то сносно: мы постоянно шутили и старались, как могли, помогать друг другу.

Был канун моего дня рождения. Отмечать я его не соби-

ралась, но девчонки: Ира и Надя, настаивали. Поэтому все-таки решили собраться компанией у меня дома. Ира по традиции придумала тему для нашей вечеринки: каждый должен был олицетворять какую-то страну, одеться соответствующим образом и поздравить именинницу, т.е. меня, на «своем» языке. Юра с Сергеем как обычно подготовились лучше всех – и с точки зрения нарядов, и с точки зрения, поздравлений. Девчонки как всегда немного профилонили. А Антон вообще не пришел. У него возникли какие-то срочные неотложные дела. Нам оставалось только связаться по видеосвязи. Антон, кстати, тоже подготовился, ему досталась Мексика: на нем была шляпа и наклеенные усы.

Глава 31. Как мы сходили на квест

Прошло несколько месяцев. Близилось лето. Наступал срок моего увольнения. Я решила поехать на какое-то время на Родину, к родителям на юг. И вот перед моим отъездом мы снова решили собраться нашей, уже расширенной компанией: я, Надя, Ира, Анжела, Юрка и Антон. Сергея поначалу не было, так как в тот день он должен был встречать свою тещу. Мы захотели культурно провести время, потому что некультурно, уже надоело его проводить. Начать решили с ужасного квеста, в смысле квеста-ужастика, а дальше, подумали: как пойдет. Расклад получился такой: два парня и четыре девушки. Но Ира, в последний момент, сказала, что не станет участвовать, а будет наблюдать за нами по камерам.

Думали-думали куда же нам сходить... Решение, как любое гениальное, пришло неожиданно, даже не помню, чья это была блондинистая идея. Лично я никогда такие мероприятия не посещала. Да что там, я даже боюсь смотреть фильмы ужасов. С детства. У меня ужастикофобия. Но семеро, как говорится, одного козлят. И вот мы начали мозговой штурм: «на какой же квест сходить?» В итоге осталось два варианта (не помню, может их всего два было): квест-ужастик или эротический. Варианта эротического ужастика, к сожалению, не было. Парней было мало, девушек – много (почему-то такая ерунда тянется с самой школы: как будто парни в какую-то

черную дыру попадают и там пропадают). В итоге, мы остановились на ужастике. Потом еще был долгий выбор варианта из них. В конце концов, собрались. Ну как собрались – сборы у нас, обычно, происходят в последнюю минуту, а иногда и в последнюю секунду до начала мероприятия, до отправления поезда, например (на самом деле так и было один раз – поезд трогался, и мы запрыгнули в него чуть ли не на ходу – об этом расскажу попозже).

И вот мы на месте. Зашли в здание. В Питере таких много – когда кажется, что квест уже начался. Тут, естественно, всем сразу захотелось в туалет. Он, надо сказать, был скорее смешным, чем страшным – в виде деревянной коробки. В нем что-то постоянно скрипело, а на стенах висели какие-то мурзилки. В общем, зашли мы в комнату страха (это не про туалет уже), дверь за нами закрылась и действие началось.

Первые пол часа я проклинала себя и всех вокруг за то, что согласилась на все это. Сначала долго ничего не происходило, просто звучала нагнетающая страх музыка. Этот Фредди Крюгер (на самом деле не он, но наследие 90-х в моей голове дает о себе знать – буду называть его так), в общем этот маньяк, что-то кричал, пытался нам подсказать как открыть двери, а мы все страшно тупили, особенно девочки. Короче, минут 20-30 это продолжалось. Я уже успела помолиться, мысленно попрощаться со всеми родными и близкими, отписать все имущество фонду защиты карликовых слонов. Маячила только одна мысль: «да выбегай быстрее – хуже уже

не будет».

И тут Фредди, действительно выбежал! Почему-то я сразу обратила внимание на его обувь: на нем были очень прикольные кроссовки с подсветкой. И, несмотря на ужас, я подумала о том, что неплохо было бы прикупить такие же. Еще он был в маске, а в руке держал шокер. Другая одежда на нем тоже, естественно, была (мы же не эротический квест выбрали. Хотя, может, зря?!) У меня было устойчивое предположение, что под маской администратор, который нас встречал и проводил инструктаж. Потому что с самого начала ощущалось, что в помещении больше никого, кроме нас, не было. Но от моих мыслей по поводу рассекречивания личности Фредди, не стало менее страшно.

Короче, Крюгер шокнул шокером наших мальчиков. Девочек почему-то трогать не стал (за что я его мысленно возблагодарила: «мм...какой галантный маньяк»). Потом он нас запер в сортире (в другом, не в смешном). Одним из нас пришлось пожертвовать: «Юра, прости!» У нас было два думающих человека, остался Антон и трое визжащих. Но, тем не менее, мы каким-то образом сумели освободить заложника и дойти до конца задания. Там нас встречала с телефоном в руках Ира. Она, умная, не стала участвовать, а наблюдала за нами, идиотами, на мониторах, даже наснимать сумела. Смотреть потом, кстати, было забавно. В конце все начали говорить, что было не страшно и все такое. «Ага-ага, слышала я ваши вопли», – думала я.

После квеста по дороге мы подобрали Сергея. Видимо, он уже закончил показывать тетушке красоты Петербурга. Как обычно, накрапывал дождь. Сначала потихоньку, потом стал сильнее накрапывать, а в конце уже начал просто лить нахрапом. Мы – без зонтов. Мокрые как мыши – только шапочек рабочих не хватало для полного сходства. Зашли в пиццерию. Поели. Юра и Сергей после этого решили от нас то ли отсоединиться, то ли уединиться. В общем, снова мы остались впятером. И, по традиции, решили продолжить у Анжелы. Она у нас девушка одинокая, была на тот момент, жила в одинокой квартире. Поэтому выбор, как ни странно, все время падал на нее и ее двушку.

Доехали, купили что-то перекусить. Долго решали что посмотреть. Наконец выбрали какой-то фильм, по-моему «Маску» с Джимом Керри. У нас разношерстная компания в плане возраста. И, когда один говорит, например, про «Санта-Барбару» или «Тамагочи», другой может его и не понимать, как будто мы разговариваем на разных языках. Так, Анжела с Антоном любили обсудить какие-то аниме или компьютерные игры. И к первому, и ко второму мы с Надей были равнодушны (наверное, потому что мы взрослые тети), а Ира – где-то посередине. Так вот, «Маску» предложила, видимо, я.

Помню, как-то в детстве, когда отмечали новый год, мы с подругой три раза подряд смотрели этот фильм. Было смешно, когда ее мама зашла к нам на каком-то моменте, а через

пару часов еще раз заглянула, а на экране – та же сцена. Тогда она с недоверием, подняв бровь, спросила: «а какой это вы раз смотрите?» Кстати, подруга на каком-то часе просмотра уснула: я смотрела уже и за нее, и за себя. К слову, у нас с той подругой был еще один подобный случай. Делали мы с ней как-то уроки у меня дома. Задали нам прочитать произведение по литературе. И вот я читала вслух час или больше. Подруга откинулась на диван. Закончив с книгой, смотрю на нее: спит, зараза, сном праведника. В общем, все мои читательские старания потонули втуне, или канули в Лету, или полетели к чертям – кому как больше нравится.

Но вернемся к моим новым друзьям, двухкомнатной квартире и «Маске». Мы с Ирой сидели на кровати, Антон с Анжелой – в обнимку на кресло-мешке на полу. Надя ушла в другую комнату – то ли проверять домашние задания, то ли готовиться к новым урокам. Потом мы смотрели еще что-то, но уже совсем не помню что. Было часа три ночи. Антон ушел в комнату к Наде. Ира давно спала. Анжела тоже засыпала. Я же уснуть не могла. Сердце бешено колотилось, в голове роились мысли: «что они там делают, о чем разговаривают? И почему ему интереснее с ней, чем с нами?»

Я так хотела убежать оттуда, но было уже поздно, вернее, слишком рано: метро еще не открылось, нужно было подождать хотя бы пару часиков. В надежде успокоиться и скоротать время, я взяла единственную книгу, которую нашла у Анжелы. Ею оказалась «Метро» Дмитрия Глуховского. На-

чала читать, но ничего из прочитанного не понимала, по сто раз перечитывала один и тот же абзац, прислушиваясь, о чем же говорят за стеной. Отложила книгу. Заснуть все равно не получалось. Просто лежала, пытаясь не разреветься. В какой-то момент так защемило сердце, что я прямо кожей ощутила, что не могу больше там находиться. А, если останусь хотя бы на минуту, то либо разревусь, либо раскричусь. Было где-то половина пятого. Я оделась и тихонько подошла к двери. Ира с Анжелой спали как ангелы, те двое в соседней комнате не спали. Я хотела незаметно выскользнуть, но тут внезапно вышла Надя, со словами:

– я провожу тебя.

Я не совсем уже контролировала себя, грубо буркнув:

– не надо меня провожать!

Не знаю, понимала ли Надя что-нибудь из того, что я чувствовала или сделала вид, что не понимает, но недоуменно посмотрела на меня. Из-за открытой двери я видела Антона. Он лежал на кровати, провожать меня не вышел, хотя и знал, что я уезжаю надолго.

Выбежав из подъезда, пошла куда глаза глядят. Район был мне не очень знаком, и вскорости я заблудилась. Людей на улице почти не было. Я продолжала идти. Позже по дороге мне встретились две женщины, которые подсказали как дойти до метро. Я шла и рыдала, проклиная Надю, Антона и себя, обещала, что больше никогда не буду с ними общаться.

В слезах добралась домой и на следующий же день реши-

ла отправиться к родителям на Родину. И очень удивилась, когда Юрка с Сергеем приехали на вокзал проводить меня. Хотя я и была в полном душевном раздоре, но почувствовала невероятную радость от того, что кому-то дорога и важна, и что кто-то готов потратить на меня свое время.

Глава 32. Христиновка

Вот уже два месяца как я жила на юге. Антону не писала ни строчки и была уверена, что так будет и дальше. Он тоже не объявлялся. Когда однажды от него пришло сообщение. Как ни в чем не бывало, парень писал: «привет, как дела? Как проводишь время?»

И как это часто бывает: он написал, и она поплыла. Снова завязалась переписка, снова появилась надежда (та надежда, которая с маленькой буквы). Когда я вернулась в Питер, мы опять решили встретиться компанией, на этот раз в Юркином загородном доме. Вернее, дом был не Юркин, конечно, а его родителей. Те уехали отдыхать на море, а двухэтажный дом остался в Юрином распоряжении. Анжелина двушка – это, конечно, хорошо, но целый отдельно стоящий дом – это прям шик. Вот мы и решили не тратить времени даром.

Дом находился в Христиновке – в пригороде Петербурга. Добраться туда можно было на электричке. Мы решили отправиться туда утром. Я, Анжела и Ира приехали на вокзал заранее. Надя и Антон опаздывали. Когда до отправления поезда оставалось пять минут, подошла Надя. Антона все еще не было. Набрали его по телефону, сказал, что поднимается по эскалатору в метро... «Не успеем», – подумал, наверное, каждый из нас. Тут Надя предложила:

– я побегу его встречу!

До отправления оставалась одна минута. Мы с грустными лицами стояли на перроне, все еще надеясь на успех. Однако понимали, что вероятность этого стремится к нулю и, с каждой секундой стремится все ближе. И тут увидели бегущих Надю и Антона. Едва мы все запрыгнули в тамбур, как в ту же секунду двери закрылись, и поезд тронулся. Как будто он только нас и ждал. Конечно, нам просто повезло. Но у всех от этого поднялось настроение и, счастливые, мы отправились в наше мини-путешествие. Ехали около часа, на перроне нашу веселую компанию уже встречали Сергей с Юркой.

И снова у нас была заявлена тематическая вечеринка. Тема: «злодеи из фильмов». Задумка, как всегда, Ирина. Ей иногда в голову приходят какие-то совсем, как бы это выразиться литературно: придурковатые идеи. Например, когда Анжела собралась выходить замуж, Ира предложила отпраздновать ее девичник следующим образом: нарядиться в костюмы космонавтов и травы (не знаю, не спрашивайте: «зачем травы? какой травы?») А потом пойти в этом во всем в город и плясать вокруг брачующейся. Я думаю, что если бы мы последовали ее предложению, день свадьбы Анжелы мы все, включая невесту, провели бы в какой-нибудь питерской КПЗ, что, безусловно, тоже было бы незабываемо. Но мы, а главным образом, невеста наотрез отказались от столь заманчивой перспективы.

Но вернемся в загородный домик к нашей тематической злодейской вечеринке. Подготовились к ней, как обычно,

только Юра с Сергеем. Последний даже заказал себе костюм по интернету. Также парни где-то нашли актерский грим и довольно умело разрисовали друг другу лица. Антон же, ясное дело, не готовился. Но у него была невероятная способность ловить все налету и выходить сухим из воды. Молодой человек где-то нашел халат Юриного отца и Юркин галстук-бабочку. А потом для нанесения грима они с Надеей уединились в комнате...

Не знаю, как долго их не было, по моим ощущениям часа полтора. В это время мы с Анжелой и Ирой жарили шашлыки, готовили коктейли. Вернее, Анжела жарила шашлыки. Она любила повторять: «у меня папа армянин, поэтому я умею делать настоящий шашлык». При этом глядя на это белокурое голубоглазое создание никогда не подумаешь, что у нее папа армянин. Кстати, в доме оставались еще старшая Юрина сестра с мужем. Так вот ее муж потом спрашивал меня:

– это у тебя там папа армянин? На что я ответила:

– нет, вон, у нее, – показывая на Анжелу, но понимая, что я на эту роль подхожу больше.

Так вот, Анжела жарила шашлык, Ира готовила коктейли. И сейчас, когда я где-нибудь заказываю этот напиток, всегда вспоминаю Иру и думаю, что она могла бы стать неплохим барменом, вернее, барвумен. Я же помогала морально, читай: мешала. И снимала все это безобразие на камеру. Вот уже три захода шашлыков пожарилось, коктейли уже три ра-

за остыли, Юра с Сергеем покрашенные, при параде вышли из своей комнаты. А Нади с Антоном все не было. Не буду снова докучать вам нахлынувшими на меня чувствами ревности и разочарования, которые как питбуль душили, вцепившись мне в горло. Спустя еще какое-то время уединившиеся появились.

Эффект был «вау»! Антон – вылитый Джокер: халат с бабочкой, тапки, надетые на его вездесущие цветные носки (с травой, кстати, видимо, дань не воплощенной Ириной идеи), нарисованная красным улыбка до ушей и черные фингалы под глазами. В руках он держал баночку с горячительным напитком, а в нее был вставлен цветок. В общем, киношная картина вырисовывалась.

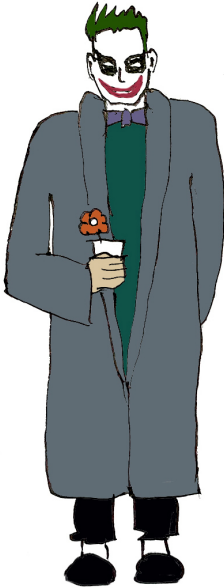
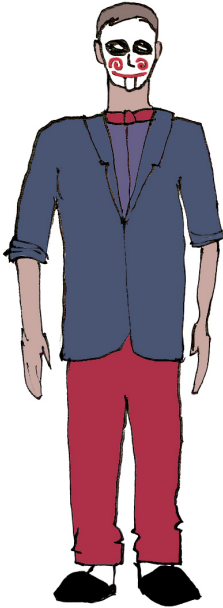
Потом мы начали фотографироваться с парнями, как с экспонатами музея Мадам Тюссо. Ели шашлык, пили коктейли, танцевали, играли в «крокодила». И так по кругу.

Видимо Анжела не в меру набралась, и посреди ночи, стала собираться домой, говоря, что ей срочно нужно покормить кошку. Вернее, напилась она уже давно, а говорить такое начала только сейчас. Мы, в свою очередь, стали ее убеждать, что отсюда такси будет стоить дорого, что подождем до утра и первой же электричкой все вместе вернемся домой, и что кошка, вероятно, не успеет до этого умереть голодной смертью. Анжела же уперлась рогами: поеду и все тут. Схватила сумку и как у классика Егора Крида: «ушла по-английски, хоть английский и не знала». Юра с Сергеем отправи-

лись ее догонять. Не знаю, где они ее поймали, но минут через двадцать привели назад. Дальше все было более или менее спокойно. И под утро уставшие, мы все улеглись спать: кто где.

Первую же утреннюю электричку мы, естественно, проспали, вторую и третью – тоже. Но, ближе к вечеру, все же уехали. Спойлер – кошка жива до сих пор. На вокзале стали решать: кто с кем поедет. Надя, как обычно, уговорила Антона взять такси. Мы же с девчонками поехали на метро.

Вернувшись домой, меня снова накрыли мои уже привычные в таких случаях чувства ревности и обиды. В очередной раз решила, что это уж точно точка. Но это снова, ясное дело, оказалось трюком...

Глава 33. Что с нами стало

Прошло пол года. Жизнь каждого из нас текла своим чередом: у кого-то произошли серьезные изменения, у кого-то все шло более или менее по-старому. Но начну с того, что все мы один за другим уволились с «Пончика», с разницей всего в несколько месяцев. Самые глобальные изменения произошли, пожалуй, в жизни Анжелы: она познакомилась со своим будущим мужем, и, через пару месяцев, он уже сделался ее настоящим мужем. Мы недоуменно спрашивали у нее:

– Эндж, а чего так быстро? Вы же только познакомились, еще плохо знаете друг друга?

На что она ответила:

– а чего тянуть-то? Нам уже почти по тридцать. Я не хочу остаться тридцатилетней теткой с двумя котами.

– у тебя, конечно, врожденное тонкое чувство такта, – заметила я. (Напомню, что мне уже немного за тридцать, слава Богу, хоть котов нет).

Ира бросила своего бойфренда и укатила на юг к родителям, нет, не в Гагры, а в Сочи. Но говорит, что безумно скучает по Питеру и скоро вернется. Мы ей не особо-то верим, потому что у Иры семь пятниц на неделе. Недавно, например, она сказала, что едет в Ростов и будет там жить у своего бывшего. Договорились, что когда смогу, я пригоню к ней – погуляем по городу. (Я-то тоже родом из Ростовской обла-

сти, но, что удивительно, в самом Ростове никогда не была). И вот, приехав к родителям, собралась было уже на денек съездить к Ире, когда она пишет в чат: «уезжаю из Ростова, здесь скучно». Хорошо, что я хоть билеты заранее не купила. А еще Ира все время мечтает о загранице, островах каких-то и муже-миллионере. Фантазерка – одним словом.

Надя вплотную занялась своим онлайн обучающим проектом и, вроде бы, дела у нее пошли в гору. С Антоном, насколько мне известно, тесно они не общаются.

Антон Палыч устроился поваром в фирму-конкурент «Пончика».

Юрка восстановился в универе, встретил девушку. Сергей тоже учится, но пока один.

И вот уже пролетел год и снова настал канун моего дня рождения.

Я пригласила всех. А пришли только Надя и Анжела с новым мужем, вернее, просто с мужем – Димой. Юра с Сергеем, оказывается, в своей деревне организовали молодежную вечеринку и никак не могли слинять оттуда. Да что там? Старые мы уже для них, наверное. У Антона, как обычно, случились непредвиденные обстоятельства. Он стоял в поликлинике на очередь на ЭКГ по Холтеру. Это такая процедура, когда на тебя на сутки, а, иногда и больше, вешают аппарат, который измеряет и фиксирует показатели работы сердца во время сна, при физических и умственных нагрузках и при обычном образе жизни. Поэтому молодой человек

отвертелся:

– как же я в этой штуковине приеду? Мне-то и дома в ней не особо удобно. Да и в метро через рамки металлоискателей нельзя проходить.

Я, конечно, жуть как обиделась и расстроилась, и высказала ему все. На что Антон ответил:

– извини, я приеду к тебе завтра.

Я на чувствах выдала:

– завтра ты мне будешь не нужен, ты нам нужен сегодня!

Я, конечно, погорячилась. Завтра он был нужен мне так же, как и сегодня, а может быть, даже больше. В общем, я снова его ждала...

Мы посидели за столом: поели, немного выпили. А время было уже позднее – время последнего поезда метро. И тут Антон говорит:

– я бы у тебя остался переночевать.

На что я ответила:

– не вопрос, у меня две комнаты.

Потом посмотрели какой-то фильм с Марио Касасом. Ночь пролетела быстро. Утром мне нужно было ехать на семинар от работы. Антону никуда в тот день нужно не было. Я злилась на работу и на семинар: если бы не это – могли бы еще побыть вместе. Злилась, но поехала. В метро мы распрощались.

Вскорости Антон заболел. У него воспалились лимфоузлы. Молодого человека положили в больницу, вернее, вози-

ли из одной в другую – никак не могли поставить точный диагноз. Я несколько раз ездила к нему в разные больницы. С одной стороны не хотелось быть навязчивой, а с другой – было желание его увидеть, передать что-нибудь необходимое.

Во время болезни Антона, мы с ним сблизились больше обычного: иногда я приходила его навестить, но чаще мы переписывались и отправляли друг другу фото и видео. Так один раз молодой человек прислал мне запись его разговора с медсестрой, которая ставила ему капельницу. Вернее, аппарат уже стоял, а женщина пришла проверить все ли в порядке. И получилось так, что Антонова капельница почему-то не работала. Тогда он спросил у медсестры:

– так, а что произошло?

– Да откуда я знаю, что... – ответила сестра.

– Что, у меня просто перестала капать капельница?

– И что?

– Ну, по-моему, это ненормально.

– Сейчас посмотрим.

– Уверены, что это нормально все?

– Так, молодой человек...

– Что?

– Вы – повар? Вот и лежите!

Я потом долго угорала с этого их диалога. А в последнее свое посещение Антона в больнице, я натолкнулась на еще одну его подружку. Ну как подружку? Всех он нас представлял друг другу как своих знакомых. Мне даже было немного

обидно, когда он и меня ей представил также. Мне казалось, что уж я-то стою чуть выше в иерархическое лестнице его знакомиц. Наивная. Скорее всего, просто Антон не хотел, чтобы та девушка подумала что-то о нас. Ту девушку, кстати, звали Лизой, была она его теперешней коллегой и ровесницей.

«Не то, чтобы мне нечего было противопоставить этому, но молодость непобедима! Она, как и любовь – дар, который нельзя купить или выпросить. Это дается нам иногда (в случае с любовью) или единожды (в случае с молодостью) – просто так, как говорила Сова из «Винни-Пуха»: «безвозмездно, то есть даром». И, если задуматься – это прекрасно» – вот что должна была бы подумать я. «У меня тоже есть еще порох в пороховницах и тузы в рукавах...» – вот что на самом деле подумала я.

Глава 34. Заключительная

Через две недели Антона выписали, а я на месяц уехала в Москву по делам. А когда вернулась, мы договорились встретиться.

Как обычно, я пришла раньше. Как обычно, Антон опоздал. Но, он, наверное, единственный человек, на которого у меня не получалось злиться по этому поводу, да и по любому другому, если честно. Встретились у метро Чернышевская. Не люблю эту станцию, так как все мои встречи, которые начинаются там, ничем хорошим не заканчиваются. А выбрали ее, потому что хотели посмотреть на цветущую сакуру в китайском дворике, вернее, Антон хотел посмотреть. На что я заметила:

– да она уже отцвела давно: я несколько недель назад видела, как люди там, толпясь, фотографировались. Тогда еще все ветки обломали.

– Пойдем все же посмотрим, раз уже мы здесь оказались, – парировал молодой человек.

Подожли. Сначала вообще не увидели никакой сакуры, как будто деревья вырубил или они испарились. А потом в стороне все же заметили их. Сакура уже, и правда, была пожухлая – отцветала...

Мы двинулись дальше, погуляли вокруг церкви. Я рассказывала про свою московскую поездку и обо всех перипетии-

ях, которые со мной там приключились. Антон говорил про свою работу, отношения с коллегами, начальством. Потом мы зашли в кафе. Молодой человек сказал, что там готовят очень вкусные вафли, и не только сладкие. Мы сделали заказ. Болтали о том, о сем. Я подарила Антону книгу Дейла Карнеги: «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», которая мне случайно попала в Москве. У меня-то такой экземпляр был, поэтому захотелось подарить ее Антону. На что Антон Палыч начал свою излюбленную песню:

– ну и что, ты научилась завоевывать друзей?

– Ну вот прям сейчас стараюсь, – улыбнувшись, сказала я. – А вообще я давно ее читала, уже почти все забыла. Помню, что там были очень интересные примеры и цитаты.

Потом нам принесли вафли: мне сладкие – с бананом, ему сытные – с беконом. И тут, как-то между прочим, Антон обронил:

– у меня же появилась девушка.

Трудно передать словами то, что я почувствовала в тот момент: какой-то коктейль из боли, обиды, ревности, разочарования и еще бог весть из чего. Вафель больше не хотелось: ни кусочка не влезло. Не знаю, как я продержалась до конца нашей встречи. Кроме того, актриса из меня всегда была плохая, и Антон, конечно, заметил мое резко изменившееся настроение. Тогда молодой человек предложил прогуляться к набережной и возвращаться уже, так как завтра ему нужно было рано вставать на работу. Если честно, мне уже не хоте-

лось никуда идти: ни к воде, ни куда-либо еще. А хотелось кричать во весь голос: «ну почему все так несправедливо?!»

Но мы все же прошли по набережной, вернулись на ту же, злополучную для меня станцию метро и, обнявшись, попрощались. Я знала, что это наша последняя встреча, вернее, последнее прощание. Антон думал, что это очередное прощание.

Не буду вам рассказывать то, что творилось со мной той ночью. Но на следующий день я отправила Антону длинное письмо, где поведала о своих чувствах и о том, что не могу больше продолжать наше общение. На что молодой человек, в достаточно жесткой форме, ответил, что я сама себе все напридумывала, и что у нас было хорошее общение, а сейчас своим письмом я все испортила...

Ну нет! История же не может так печально закончиться?! По крайней мере, печально для меня. Вернемся в наше кафе до того момента, когда Антон признался в том, что у него появилась девушка.

– Пойдем пройдемся до набережной? – предложил молодой человек. Вафли сегодня какие-то не ахтецкие, в прошлый раз были гораздо лучше, – добавил Антон.

Вышли из кафе. На улице поднимался ветер и накрапывал мелкий холодный питерский дождик. Мы дошли до набережной, непогода усиливалась. И тут Антон задал неожиданный вопрос:

– почему ты все время одна, почему не начнешь с кем-

нибудь встречаться?

– Потому что...потому что... – слова застревали у меня в горле. – Потому что я люблю тебя и ... уже давно, – наконец тихо выдавила я.

Тогда Антон взял мою руку в свою, немного склонился и поцеловал меня в губы.

– Почему так долго молчала?

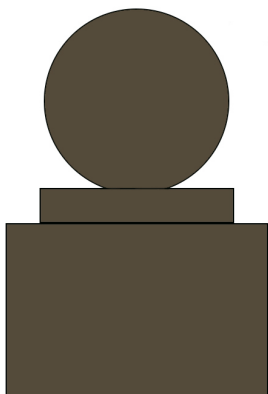
– Потому что я старше, и вообще..., может быть, у тебя есть девушка, откуда мне знать? – снова прошептала я.

– Да, у меня есть девушка. Услышав это, кровь ударила мне в голову, и я попыталась отстраниться от Антона, на что он еще крепче обнял меня и сказал:

– не щетинься, глупышка, начиная с сегодняшнего, дня у меня есть девушка.

Как будто камень упал с моих плеч, и я прильнула к груди Антона. Ветер трепал наши спутавшиеся волосы и вздыбливал волны на Неве, дождь обрушивал на нас свои уже большие холодные капли. Но мы всего этого даже не замечали... И я тихо, почти беззвучно, прошептала:

– Антон, ты стал моей сбывшейся мечтой!

Конец!

От автора

Меня зовут Басова Анастасия. Я родилась в городе Волгодонске Ростовской области. Последние годы живу в Санкт-Петербурге. Если говорить о моем образовании, то там нет связи с литературой или журналистикой, чем могут похвастаться многие авторы книг. В жизни я занималась разными вещами, но зачастую было ощущение, что это не мой путь. А работать со словом мне нравилось всегда, пусть и в скромных форматах. Я писала статьи для своих соцсетей, отзывы на книги, какие-то небольшие истории.

«Любовь на производстве» – моя первая книга, и, дай бог, не последняя, но, наверное, во многом это будет зависеть от читателей. Хотя, как сказал Л.Н. Толстой: «Если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать». В этом смысле данная повесть – это то, что я не могла не написать, история, как ребенок, уже сама давно просилась наружу, а я, как бабка-повитуха, лишь помогла ей появиться на свет.

По поводу благодарностей. Круто, конечно, когда автор находит свое издание. Но, давайте не будем кривить душой – это архисложная задача. И, здорово, что сегодня есть селф-паблишинг, который позволяет каждому начинающему писателю «довести» свою книгу до читателя, а там уже во многом все будет зависеть от самого автора и его дальнейших действий. Я, конечно, не питаю каких-то избыточных иллю-

зий по поводу расшаривания моей книги, но, если конкретно вы ее прочитали, то уже все было не зря.

Сейчас будет немного пафосно. Так вот, мне некому говорить спасибо, потому что у меня нет редакторов, корректоров, составителей и т.д. И все же, безусловно, мне есть кого поблагодарить. В первую очередь, конечно, я благодарна своим родителям, особенно маме за то, что она всегда давала мне больше, чем могла дать... Спасибо всем близким, друзьям и знакомым, которые когда-либо были рядом и зримо или незримо помогали мне. Вообще я благодарна всем людям, которые в определенный момент появлялись в моей жизни – без вас я бы не стала собой.

Отдельное спасибо художнику-иллюстратору книги Максиму Притульчику, который смог очень точно передать образы и сценки из этой истории – воплотить в рисунках то, что было у меня в голове. О, нет! Я не считаю, что у вас отсутствует воображение, или что вы не смогли бы сами представить все по мере чтения. Просто мне очень хотелось, чтобы эти рисунки были и радовали ваш взор. Эскизы же тоже рисовал в «Маленьком принце» – где-то я вдохновилось им.

Ну и, конечно, спасибо вам, мои читатели. Если вы существуете – я счастлива! Мне трудно судить, получилась ли интересная история или нет. Поэтому я буду рада любым отзывам и обратной связи. Вот ссылка на мои соцсети ВКонтакте и Telegram: @bassova_nastasia.

До новых встреч!